

Москва въ семидесятыѣ годахъ.

Кн. В. А. Долгоруковъ.—Общественное управление.—Кн. Щербатовъ.—Кн. Черкасскій.—Третьяковъ.—Общественная жизнь.—Театръ.—Война 1877—78 гг.—1-е марта 1881 г.

I.

Изстари въ Москвѣ былъ генераль-губернаторъ, въ разное время носившій разные названія-намѣстника, главнокомандующаго, военнаго генераль-губернатора. Но ни законодательствомъ, ни практикой не были опредѣлены съ точностью его обязанности и кругъ его вѣдѣній. Хотя въ законѣ и есть указаніе, что ему при-своиваются права и обязанности начальника края, но «края» не было, ибо власть его простиралась только въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ на московскую губернію, т.-е. за предѣлы столицы, и вовсе не касалась соседнихъ губерній. Но и въ самой Москвѣ власть эта не имѣла или не должна была имѣть никакого отношенія къ учрежденіямъ, подвѣдомственнымъ другимъ министерствамъ, какъ на-примѣръ къ военному вѣдомству, къ юстиціи, къ финансовому управленію. Между тѣмъ потребности и условія времени, обычай и практика постепенно выдвигали участіе генераль-губернатора въ жизни и дѣятельности всѣхъ этихъ учреждений, которое въ нѣкоторыхъ случаяхъ могло быть или казаться самовольнымъ вмѣшательствомъ, и которое въ однихъ случаяхъ было неудобнымъ по разнымъ причинамъ, въ другихъ-же—полезнымъ и даже благотворнымъ. Вслѣдствіе этого отъ лица, занимающаго эту должность требовалось много искусства, такта, дабы избѣгать нежелательнаго тренія, но требовалось отъ него и быть постоянно въ курсѣ дѣлъ, производящихся въ неподвѣдомственныхъ ему учрежденіяхъ и почему-либо нуждавшихся въ его участіи или вниманіи.

При такомъ опредѣленіи обязанностей генераль-губернатора, его роли въ жизни столицы надлежитъ имѣть въ виду то время, его особенности историческія и бытовыя, сдѣлавшія то, что должность эта получила такой видный и много-объемлющій характеръ и задачи ея какъ нельзя болѣе отвѣчали дѣйствительнымъ потребностямъ столичной жизни. Когда-же вслѣдствіи правительственныхъ учрежденій и органы все болѣе обособлялись въ своихъ функціяхъ, когда Петербургъ все болѣе централизовалъ въ себѣ дѣло управленія страной, и когда съ другой стороны московскій генераль-губернаторъ сдѣлался почти исключительно представителемъ и посетелемъ усиленной, чрезвычайной и иной охраны и «борьба съ кримо-лой» явилась главною и даже почти единственною его задачей, то должность эта

оказалась изнищеною, она сама собою сократилась, въ то-же время потеряла въ глазахъ москвичей свой прежній престижъ.

Но подлежитъ сомнѣнiю, что независимо отъ этихъ измѣненiй, которыя вносились временемъ и обстоятельствами, въ созданiи этого престижа и затѣмъ въ его упадкѣ играли роль индивидуальныя свойства лицъ, послѣдовательно призывавшихся къ занятiю этого поста: степень ихъ пониманiя своихъ обязанностей, своего долга по отношенiю къ Москвѣ, и пониманiя ими самой Москвы, ея особенностей, ея своеобразно сложившагося быта, всей ея психики. Но въ ту эпоху, о которой идетъ рѣчь, генераль-губернаторъ былъ дѣйствительно первымъ лицомъ въ Москвѣ, и не только по служебно-иерархическому положенiю своему, а по существу своихъ обязанностей, своей роли. Въ его рукахъ сосредоточивались всѣ нити той сложной паутины, которая составляла жизнь столицы во всѣхъ ея безчисленныхъ и разнообразныхъ областяхъ—административной, въ широкомъ смыслѣ слова, общественной, торгово-промышленной и частной.

Не по одному своему служебному долгу, но и по сложившемуся положенiю онъ обязанъ былъ знать все, что происходитъ въ городѣ, имѣть общенiе со всеми его обитателями, входить въ интересы и брать на себя въ случаѣ надобности заботу каждого, кто къ нему обращался, и для сего открыть широкой къ себѣ доступъ, а съ другой стороны ему надлежало тщательно поддерживать живыя связи съ высшимъ правительствомъ съ его дѣтелями, быть постоянно въ курсѣ всего того, что тамъ измышлялось и «предначертывалось» и быть предъ нимъ представителемъ, заступникомъ Москвы, ея «голосомъ».

II.

Кн. В. А. Долгоруковъ занималъ должность Московскаго генераль-губернатора съ 30-го августа 1865 года до 26-го февраля 1891-го, т.-е. въ теченiи 25-ти съ половиною лѣтъ. Первоначальная его карьера протекла въ Петербургѣ и ничѣмъ не отличалась отъ обычной карьеры современной ему аристократической молодежи. Онъ служилъ сперва офицеромъ въ гвардiи, попалъ въ «свиту» государя, послѣдовательно проходилъ по ея иерархическимъ ступенямъ, затѣмъ довольно долгое время управлялъ однимъ изъ департаментовъ военнаго министерства, и наконецъ, на 56-мъ году жизни, получилъ назначенiе въ Москву.

Такая карьера очевидно не могла служить сколько-нибудь серьезною подготовкой къ административной дѣятельности, но въ то время это не принималось въ соображенiе, и военный, а тѣмъ болѣе входившiй въ составъ свиты, считался способнымъ, разъ выборъ свѣше палъ на него, ко всякой дѣятельности или службѣ.

Впрочемъ, подобныя назначенiя пали мѣсто и въ болѣе близкое къ намъ время, когда пришедшiй въ негодность для строевой службы генераль призывался въ государственный совѣтъ, или полковой командиръ, почему-либо не заслужившiй даннаго повышения, назначался губернаторомъ въ провинцію.

Но кн. В. А. былъ не изъ такихъ. Онъ сразу понялъ свое положенiе въ Москвѣ, требованiя административнаго строя и способы ихъ примѣненiя къ усло-

вѣямъ столичной жизни, понималъ и оцѣнилъ самую Москву съ ея характерными, бытовыми, въ то время болѣе или менѣе патріархальными чертами и особенностями, и съ первыхъ-же дней его вступленія въ домъ на Тверской площади, Москва оцѣнила его, сама поняла его, почувала въ немъ своего сына, ибо онъ былъ московскимъ уроженцемъ. Причину того, что онъ такъ по душѣ пришелся Москвѣ и что съ первыхъ-же шаговъ своего вступленія онъ оказался на высотѣ своей задачи, должно искать въ томъ, что онъ созрѣлъ и получилъ воспитаніе въ условіяхъ, совершенно особенныхъ. Широко культурный, начитанный, онъ былъ свидѣтелемъ и участникомъ эпохи переходной, сложившей многое изъ прежняго и начавшей создавать много новаго.

Не будучи обремененъ чрезмерно головолomными служебными занятіями, онъ имѣлъ возможность внимательно слѣдить за всѣмъ происходящимъ въ Россіи. Онъ по опыту своему зналъ Николаевскій режимъ, видѣлъ всѣ его дефекты, и передъ его глазами совершилось его паденіе и поворотъ къ иному, котораго, какъ ни старались слуги прежняго, нельзя было избѣжать послѣ того, что несчастная Крымская война вскрыла всѣ издавна наболѣвшія язвы его. Онъ былъ свидѣтелемъ всѣхъ подготовительныхъ работъ по освобожденію крестьянъ, всѣхъ общественныхъ чаяній, пробужденныхъ «маніемъ Царя»; при чемъ этотъ великій актъ совершился и начиналъ уже приносить плоды, а затѣмъ послѣдовало земское положеніе, городское, преобразованія, имѣющія увлечь собою государственное зданіе.

Хотя и пассивно, но съ напряженнымъ вниманіемъ могъ онъ слѣдить за всѣмъ совершающимся и нельзя не предположить, что именно это наблюденіе и выработало въ немъ дѣятеля-администратора, постигшаго потребность и условія времени и съ успѣхомъ замѣнившаго въ немъ то, что другими пріобрѣтается практическимъ опытомъ. Къ этому надо добавить его образованность, не школьную только, а житейскую, постоянно имъ обогащавшуюся чтеніями, общеніемъ съ разнообразными людьми, частыми поѣздками за-границу, его утонченную воспитанность, создавшую его умѣніе постоянно держаться на уровнѣ того, съ кѣмъ онъ разговаривалъ или имѣлъ дѣло. Такое двойственное воздѣйствіе Николаевской дисциплины и вѣяній наступившаго времени великихъ реформъ и ожиданій—и создавало его индивидуальность и обусловило то, что онъ явился готовымъ для того дѣла, которое на него возложено было.

Эти двѣ коренныхъ черты его личности и дѣятельности—тонкая воспитанность въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, и широкая доступность—стижали ему въ Москвѣ чуть не съ перваго же года его управленія громадную популярность и притомъ во всѣхъ безъ исключенія слояхъ ея населенія. Объ этомъ и надлежитъ поговорить.

Какъ было уже сказано, предшествующая служба князя, его наблюдательность, его опытъ въ пережитый имъ переходный періодъ времени воспитали его въ томъ смыслѣ, что въ немъ выработался громадный запасъ какъ умѣнія держать себя, входить въ свою роль, такъ и тактичности по отношенію ко всѣмъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло. Это умѣніе, этотъ тактъ дали ему возможность успѣшно разрѣшать всякія затрудненія, мелкія и крупныя, поминутно возникавшія въ жизни столицы

какъ въ дѣлахъ отраслей управленія, такъ и въ интересахъ стѣпанныхъ лицъ. Но вмѣстѣ съ этимъ въ немъ обнаруживалась особаго рода ревности къ своему положенію, къ своей роли, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ это могло казаться склонностью къ лести, т.-е. нѣкоторымъ дефектомъ характера, но это были дефекты его качествъ. Онъ любилъ придавать своей власти, какъ генераль-губернатора, всеобъемлющій характеръ, ей закономъ не присвоенный, и очень любилъ чтобы другіе такъ понимали эту власть и это ему высказывали. Между тѣмъ это стремленіе его къ всеобъемлемости своей власти, къ наибольшему по возможности расширенію своего права воздѣйствія на другія, ему не подчиненныя вѣдомства, учрежденія и лица внушалось ему именно этой ревностью къ своимъ обязанностямъ, но въ то-же время и искреннимъ желаніемъ помочь, улучшить, направить какъ подобаетъ то, что казалось ему требовало такой помощи и управленія и притомъ въ самой Москвѣ, т.-е. въ области его вѣдѣнія и его ответственности. Такъ не разъ приходилось мнѣ слышать отъ него сѣтованія на то, что дѣло въ военномъ округѣ идетъ нехорошо благодаря тому, что все вниманіе начальствующихъ обращено исключительно на фронтную службу, и въ этихъ сѣтованіяхъ слышалось сожалѣніе о томъ, что военная часть въ Москвѣ ему не подчинена, какъ это было при его предшественникахъ. Такъ-же когда въ одномъ правительственномъ учрежденіи, находящемся въ Москвѣ, распри засѣдающихъ изъ немъ сапожниковъ достигли разбѣровъ скандала, сдѣланнагося на нѣсколько дней въ городѣ притчей во языцѣхъ, князь возбудилъ вопросъ о томъ, чтобы председательствованіе въ этомъ учрежденіи было возложено на него, въ качествѣ генераль-губернатора.

Такое отношеніе къ своимъ обязанностямъ дополнялось еще чертою, быть можетъ проистекавшей въ немъ изъ пройденной имъ служебной школы эпохи Николая. Для него не существовало мелкихъ, второстепенныхъ дѣлъ, все что попадало ему въ руки, что нуждалось въ его участіи, помощи или содѣйствіи имѣло для него равное значеніе, одинаково привлекало его вниманіе и заботливость. Крупный политическій вопросъ въ Городской думѣ и неправильное производство торговли на поставку хлѣба въ больницу, острія пренія въ Дворянскомъ собраніи и чрезмѣрное усердіе полицейскаго чина при усмирении пьяной компаніи въ трактирѣ—одинаково заботили его, и онъ успокаивался лишь послѣ того, какъ ему удавалось такъ или иначе ликвидировать такое дѣло. Такое вниманіе къ любому дѣлу, такое участіе къ интересамъ людей, въ немъ заинтересованныхъ, быстро опредѣляли его доступность для всѣхъ, и всѣ пошли къ нему, пошли не только жаловаться, аппелировать, требовать защиты, но просить помощи, совѣта, указаній, несмотря на то, какъ знали они, что предметы ихъ просьбъ относятся къ вѣдѣнію другихъ учреждений или другихъ должностныхъ лицъ, ему не подвѣдомственныхъ. Эти черты, проявившіяся въ немъ въ всякихъ правилахъ канцелярскаго дѣлопроизводства, привлекали во все время его службы въ Москвѣ общую любовь и общее уваженіе, ибо всякій, имѣвшій какое-либо къ нему дѣло, и говорившій съ нимъ о немъ, выходилъ отъ него такъ или иначе удовлетворенный, хотя-бы только тѣмъ, что былъ внимательно имъ выслушанъ.

Особенно ярко проявлялись въ немъ черты въ дѣлахъ семейныхъ, поступав-

нилъ къ нему по большей части въ устныхъ заявленіяхъ просителей, причемъ онъ никогда не допускалъ, чтобы подобныя дѣла шли обычнымъ канцелярскимъ путемъ и только въ рѣдкихъ случаяхъ поручалъ производство разслѣдованія по нимъ какому-либо изъ тѣхъ своихъ чиновниковъ, которому онъ особенно довѣрялъ. Много было жёнъ, которыя такимъ образомъ добились защиты сътѣловъ-мужей, много «сынковъ» спасавшихся отъ когтей ростовщиковъ, которые расчпывали на карманы ихъ родителей, и дѣла этого рода пропадали безслѣдно, ибо въ архивахъ ихъ нѣтъ, разъ они не излагались на бумагѣ, а тѣ люди, которые исполняли участие и содѣйствіе князи, конечно, никому не сообщали объ этихъ своихъ семейныхъ тайнахъ.

Такое отношеніе къ своимъ обязанностямъ, такое умѣніе удовлетворить обращающихся къ нему, стяжали князю не только широкую популярностъ въ Москвѣ, но и твердую авторитетностъ, не такую, которая основывается исключительно на олицетвореніи съ собою власти, могущей такъ или иначе расправляться съ любымъ дѣломъ или любымъ субъектомъ, но дѣйствительную, моральную авторитетностъ, всѣми одинаково реально сознаваемую и почитаемую. И я не могу не добавить, что эту черту, эту авторитетностъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова Москва уже не видѣла въ своихъ «хозяевахъ» и что кн. Долгоруковъ былъ послѣднимъ настоящимъ генераль-губернаторомъ.

Когда я по должности губернатора вошелъ въ близкія, почти ежедневныя служебныя сношенія съ кн. Долгоруковымъ, онъ уже былъ въ очень преклонныхъ годахъ и нѣсколько имъ обнаруживались старческія черты и заманки. Казалось, онъ все болѣе и болѣе обращалъ вниманіе на разнаго рода подробности и мелочи, дорожилъ нѣкоторыми привилегіями, присвоенными званію московскаго генераль-губернатора. Такъ напримѣръ онъ любилъ подчеркивать въ своихъ разговорахъ съ людьми, непосвященными въ тайны служебной обрядности, что пріѣзжая въ Петербургъ онъ представлялся государю не въ парадной формѣ, а въ обыкновенной, такъ какъ онъ является представителемъ столицы, въ которой предполагается постоянное пребываніе государя. Другою привилегіей, которой князь очень дорожилъ, было представленіе государю суточныхъ рапортовъ о Москвѣ, которые ежедневно изготовлялись въ его канцеляріи и въ опредѣленный часъ приносились ему для подписи, а затѣмъ отправлялись на курьерскій почтъ. Изъ-за этихъ рапортовъ кн. Долгоруковъ въ теченіи всего своего 25-лѣтняго пребыванія въ Москвѣ ни разу не почевалъ въ городѣ, конечно, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда онъ находился въ отпуску.

Мнѣ извѣстно, что Александръ II читалъ эти рапорты, интересовался всѣмъ происходившемъ въ Москвѣ, въ мѣстѣ своего рожденія, но онъ любилъ Москву какою-то особенною любовью, которая какъ-бы поощрала кн. Долгорукова въ его ревнивомъ обереганіи и соблюденіи ся интересовъ, и своего значенія для нихъ. Онъ не допускалъ мысли, чтобы правительственные сановники, съ которыми ему приходилось сталкиваться по дѣламъ службы, не относились къ Москвѣ и къ дѣламъ ея касающимся, какъ къ первепствующему предмету ихъ служебныхъ заботъ, переръ которымъ все остальное должно было блѣднѣть.

Къ новому царствованію князь Долгоруковъ, какъ всѣ престарѣлые люди, привыкшіе къ прежнему укладу жизни и дѣятельности, регулирующемуся даваемымъ съ престола направленіемъ, относился съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, которое, однако, онъ показывалъ лишь въ самыхъ интимныхъ бесѣдахъ съ близкими ему людьми. Правда, о прежнемъ вниманіи къ Москвѣ, о любви къ ней покойнаго царя и слѣда болѣе не было,—къ Москвѣ петербургскія сферы относились какъ къ заурядной провинціи, и между прочимъ суточные рапорты были отменены.

Особенное недовѣріе и даже несочувствіе возбуждали въ кн. Долгоруковѣ новыя люди, выдвинувшіеся въ новое царствованіе и замѣнившіе его товарищей друзей, еще недавно игравшихъ первыя роли. «Юнкеръ», говорилъ онъ, когда рѣчь заходила о какомъ-либо изъ этихъ новыхъ спутниковъ царя, и въ этомъ словѣ звучало и пренебреженіе къ данному лицу и сравненіе его съ прежними царскими слугами, а въ то же время чувствовалось, что этихъ «юнкеровъ», которыхъ онъ зналъ чужъ не дѣтьми, онъ втайнѣ продолжалъ считать таковыми.

Но онъ умѣлъ распознавать людей по ихъ достоинству, и это сохранилось въ немъ до конца его жизни, хотя какъ у всѣхъ престарѣлыхъ людей, въ немъ были симпатіи и антипатіи, которыя посторонній человекъ не всегда могъ себѣ объяснить. Между прочимъ онъ питалъ глубокую антипатію и не стѣснялся ее высказывать, къ тѣмъ, кто получалъ какое-либо назначеніе въ Москву помимо его участія, если это было подчиненное ему лицо, или помимо его вѣдома и согласія, если оно принадлежало къ другому ведомству. Оцѣнка имъ разныхъ людей, какъ московскихъ, такъ и петербургскихъ, было обычною темой его бесѣдъ со мною во время моихъ еженедѣльных докладовъ по дѣламъ губерніи. (Надо сказать, что издавна у него было заведено, что московскій губернаторъ являлся къ нему съ докладомъ по субботамъ, и онъ его принималъ тотчасъ послѣ оберъ-полицеймистра, являвшагося ежедневно, кто-бы другой ни дожидался въ его пѣмной). Случалось, онъ прерывалъ мой докладъ, когда мнѣ приходилось назвать чью-либо фамилію, и я выслушивалъ подробную, чисто субъективную, но въ большинствѣ случаевъ совершенно вѣрную оцѣнку этой личности, причемъ нерѣдко онъ повторялся, забывши, что въ одну изъ предыдущихъ субботъ онъ уже передавалъ мнѣ это свое сужденіе *).

Такъ, въ послѣдній годъ моей службы съ нимъ почти не было моего доклада ему безъ того, чтобы я не произнесъ фамиліи одного крупнаго сановника, выдвинувшагося изъ полной неизвѣстности уже въ новое царствованіе и съ которымъ московская администрація была въ частыхъ сношеніяхъ. Лицо князя при этомъ мгновенно измѣнялось, полуироническая, полупрезрительная улыбка скривляла его губы, и онъ каждый разъ повторялъ мнѣ одну и ту-же фразу: «Не довѣряйте, мой любезный, тѣмъ людямъ, которыхъ называютъ такой-то (слѣдовало имя и отчество

*) Но не въ одномъ этомъ повторялся онъ. Слѣдуетъ сказать, что онъ любилъ анекдоты, и бывало я припасалъ для субботы какой-нибудь новенькій. Послѣ дѣлового доклада я старался навести разговоръ на тотъ предметъ, котораго касался анекдотъ, рассказывалъ его, зачастую вызывая неудержимый смѣхъ старика, а въ слѣдующую субботу онъ мнѣ его повторялъ, какъ новую новинку, забывъ, что его рассказывалъ я.

того лица), а всегда говорятъ добрыйшій такой-то. Помните, Мольеръ своего Тартюфа не иначе называетъ какъ *le bon Monsieur Tartupe*.

И дѣйствительно, сановникъ этотъ оказывался иезуитомъ чистѣйшей воды и своею фальшью, лживостью и двуличіемъ многимъ повредилъ, въ томъ числѣ и вѣчному князю.

Еще болѣе антипатіи онъ питалъ къ знаменитому въ свое время и доселѣ далеко еще не забытому К. П. Побѣдоносцеву. Помимо того, что между ними бывали недоразумѣнія и даже столкновенія служебныя, на почвѣ церковной жизни, но антипатія эта со стороны князя относилась къ самой личности всемогущаго оберъ-прокурора. Въ своихъ бесѣдахъ, лишь только въ нихъ дѣло касалось этого послѣдняго, онъ выкладывалъ цѣлый рядъ эпизодовъ, характеризующихъ его и при этомъ фамилія его всегда сопровождалась разными эпитетами, далеко не лестными. Весьма возможно, что князь распознавалъ его и какъ-бы предугадывалъ то вліяніе, которое Побѣдоносцевъ все болѣе и болѣе оказывалъ на ходъ дѣлъ при новомъ царствованіи, его роль во всемъ государственномъ механизмѣ, а не въ одной избранной ему синодальной области. Правда, Побѣдоносцевъ отплачивалъ тѣмъ-же князю, и въ моихъ, довольно впрочемъ рѣдкихъ бесѣдахъ съ нимъ, онъ постоянно пронизировалъ на его счетъ.

Вообще, долженъ замѣтить, что съ новымъ царствованіемъ петербургскіе сановники, выдвинувшіеся въ первые ряды, стали очень иронически относиться къ кн. Долгорукову, къ его «удѣльно-княжеской» роли въ Москвѣ, и такое отношеніе перекидывалось въ Москву, гдѣ недоброжелателей и пасмѣшниковъ было достаточно для того, чтобы подобныя отзывы распространялись. Къ моему несчастью, какъ иронизирующие петербуржцы, такъ и воспринимающіе москвичи перѣдко находили нужнымъ дѣлиться этими шутками и пасмѣшками со мною, какъ съ человѣкомъ, весьма близкимъ къ князю. Нетрудно было угадать, къ чему въ концѣ концовъ это приведетъ, разъ извѣстно, что въ этой ироніи, въ этомъ высмѣиваніи отражаются вѣянія новой эры, и что они, по отношенію къ князю, играютъ роль водяныхъ капель, пробивающихъ самый твердый камень.

Въ заключеніи своей характеристики кн. Долгорукова я долженъ добавить, что одною изъ наиболѣе выпуклыхъ, яркихъ чертъ его личности было барство, великоможество въ самомъ лучшемъ смыслѣ этихъ словъ. Великожей былъ онъ съ головы до ногъ, и въ чемъ бы онъ ни проявлялъ себя — въ служебныхъ дѣлахъ, въ дамскомъ обществѣ, въ дружеской бесѣдѣ въ интимномъ кружкѣ, въ многочисленной толпѣ — всегда и всюду это чувствовалось въ его обращеніи, въ словахъ, въ манерахъ, какъ чувствовалось оно и въ его пріемахъ у себя дома — разговаривать-ли онъ съ просителями, хозяйничать-ли у себя на балахъ, или на обѣдахъ, парадныхъ или обыденныхъ. — «Вотъ это баринъ», воскликнуть однажды одинъ волостной старшина, котораго мнѣ по какому-то случаю пришлось ему представлять, когда мы вмѣстѣ вышли изъ его кабинета. Этимъ какъ нельзя лучше высказалъ онъ то впечатлѣніе, какое каждый выносилъ послѣ бесѣды съ нимъ. «Это не то, что *Н. Н.*» добавлялъ этотъ старшина, назвавъ фамилію одного, тоже титулованнаго, уѣзднаго

предводители, хорошо известнаго своею неуязвимостью, съ которыми старшина имѣлъ постоянныя пререканія и столкновенія *).

III.

Въ 1865 г., когда кн. Долгоруковъ занялъ постъ Московскаго генераль-губернатора, еще длился тотъ періодъ времени, который можно назвать медовымъ мѣсяцемъ великихъ реформъ. Помимо всего того реального, что принесли съ собою эти реформы, какъ осуществленныя уже въ то время, такъ еще и намѣчавшіяся, самая атмосфера столицы была полна новыхъ вѣяній, выдвигались новые люди, возникали новыя требованія, задачи, болѣе или менѣе императивнаго характера, о которыхъ въ прежнее время никто не думалъ и не заботился.

Крестьянская реформа уже была осуществлена, но еще сохранялись «временно-обязательныя» отношенія между крестьянами, бывшими крѣпостными, и помѣщиками-владельцами, и работа по организаціи сельскаго состоянія кнѣжа въ рукахъ мировыхъ посредниковъ, первый контингентъ которыхъ, какъ извѣстно, былъ на высотѣ своей трудной и отвѣтственной задачи. Хотя для Москвы, для ея жизни, сельскіе интересы не могли имѣть непосредственнаго касательства, но тѣмъ не менѣе реформа существеннымъ образомъ отразилась на всемъ укладѣ городской жизни, на быту многихъ слоевъ общества. Наемный трудъ замѣнилъ собою обязательный, упразднилъ «барщину» имѣвшую мѣсто и въ городѣ, и такія явленія, какъ выписка изъ имѣнія какого-нибудь Ваньки на службу на господскую кухню, и Маланки на прачешной, или требованіе цѣлаго обоза подводъ для перевозки господскаго багажа изъ города въ подмосковную деревню, отошли въ область безвозвратныхъ преданій. Съ другой стороны господа, привыкшіе спокойно жить на готовыхъ и болѣе или менѣе значительныхъ средствахъ, столкнулись съ новыми непривычными требованіями и заботами, которыми полнейшею неволью приходилось заняться, и которыя многихъ изъ нихъ пугали своимъ, никогда еще ими не слыханными названіемъ, какъ напр.: разверстаніе угодій, полюбовное или принудительное размежеваніе, выкупной актъ, уставная грамота и проч. А главное въ этомъ было то, что источникъ доходовъ переставился, потерялъ прежній свой центръ тяжести, свой характеръ чего-то всегда готоваго и не требовавшаго ни малѣйшаго усилія и никакихъ заботъ. Эти измѣненія происходили постепенно, безъ рѣзкихъ скачковъ, и самый ихъ смыслъ или значеніе понимались и оцѣнивались постепенно и притомъ въ большинствѣ не тѣми, концы они лично затрагивали, а ихъ дѣтьми, потомками, поминувшими прежнее время и прежній укладъ жизни, но вступившими въ реальную жизнь при совсѣмъ иныхъ условіяхъ, при новомъ укладѣ.

Тогда создавалось земство. Въ дореформенное время мѣстное управленіе въ деревнѣ олицетворялось въ станомъ приставѣ и исправникѣ, а участіе въ немъ помѣщиковъ ограничивалось тѣми единичными случаями, когда кто-либо изъ членовъ семейства избирался на должность уѣзднаго предводителя или депутата дворян-

*) См. характеристику Долгорукова въ воспоминаніяхъ Н. П. Шатилова—«Изъ недавняго прошлаго», «Гол. Мин.», 1916 г., № 9.

ства. Въ бытовомъ отношеніи земская реформа внесла собою, быть можетъ, еще болѣе рѣзкую перемену, чѣмъ крестьянская, ибо внезапно, и для многихъ неожиданно, открылся путь къ широкому участию всѣхъ въ дѣлахъ мѣстнаго хозяйства, къ примѣненію на реальныхъ задачахъ своихъ силъ и своего трудолюбія. И много было такихъ, которые съ увлеченіемъ пошли по этому пути, много молодыхъ людей, которые до этого извѣстны были только какъ элегантные танцоры или пріятные дамскіе собесѣдники, оказались гласными земскихъ собраній, а то и членами управы. Въ гостеприимныхъ, гдѣ бывало раздавались почти исключительно французскія рѣчи, по обычаю того времени, слышались разговоры о дорогахъ, о земскомъ собраніи, о препирательствахъ съ администраціей, т.-е. съ губернаторомъ и его убѣднымъ адептомъ, исправникомъ. Тѣ же, кто не могли по преклонности лѣтъ или по принципиальной приверженности къ старымъ порядкамъ и реформамъ, мириться со всякими новшествами въ области мѣстнаго строя, которая считалась ими непоколебимою, съ недоумѣніемъ и боязнью глядѣли на совершавшіеся передъ ихъ глазами, на этотъ подъемъ силъ ради общественнаго дѣла.

Боязнь эта главнымъ образомъ происходила изъ того, что законъ присвоилъ земскимъ учрежденіямъ характеръ представительства мѣстныхъ интересовъ, потребностей, заботъ, и люди старыхъ поколѣній не безъ основанія видѣли въ такомъ мѣстномъ представительствѣ какъ-бы прологъ къ государственному, т.-е. къ конституціи, а для тѣхъ, кто крѣпко держался традицій Николаевской эпохи, самое слово это было тѣмъ жуеломъ, который вложенъ былъ Островскимъ въ уста одной выведенной имъ на сцену старухи. Не могу не отмѣтить, что въ этихъ взглядахъ на земскую реформу недоумѣвающіе старики и болѣе или менѣе юные труженники, увлекшіеся земскимъ дѣломъ, оригинально сходились другъ съ другомъ, одинаково видя въ конституціи неизбежный вѣнецъ земской реформы. На бѣду Россіи тѣ и другіе ошибались...

Съ 1863 г. въ Москвѣ введено было городское положеніе на началахъ сословныхъ. Новая городскія учрежденія замѣнили прежнюю шестигласную думу, уже и въ то время представляющую собою нечто столь архаическое, безжизненное, что многіе городскіе жители и не подозрѣвали самаго ея существованія, не говоря уже объ ея функціяхъ, причемъ это отжившее городское управленіе было исключительно купеческимъ, одни московскіе купцы входили въ его составъ, такъ какъ дворяне какъ-будто гнушались его. Новое положеніе распредѣлило составъ общей думы по уровню между пятью городскими сословіями, безъ какой-либо зависимости отъ имущественнаго ценза. То были сословія—дворянъ потомственныхъ, дворянъ личныхъ, купеческое, мѣщанское и ремесленное. Исполнительный органъ, въ то время носившій названіе Распределительной думы, состоялъ изъ 10-ти членовъ, по два отъ каждаго сословія. Крупной заслугой такой организаціи было одно новое явленіе, бывшее до этого совершенно неизвѣстнымъ въ общественномъ строѣ Москвы: назову его сліяніемъ сословій. Дѣло въ томъ, что въ дореформенное время лица, принадлежавшія къ тому или другому сословію, жили обособленно, но въ смыслѣ не столько сословномъ, сколько въ общественномъ, ихъ ничто не связывало съ лицами другого сословія, ни въ чемъ не было у нихъ солидарнаго. Одни дворяне жили въ качествѣ

помѣщиковъ, другіе жили службою, купцы занимались торговлею, и точками случайнаго соприкосновенія между ними были интересы, вытекавшіе изъ этихъ положеній, или профессій. А въ то же время какъ для дворянъ, такъ и для купцовъ прочіе два сословія—мѣщане и цеховые—были чѣмъ-то второстепеннымъ, низшимъ, съ чѣмъ приходилось имѣть дѣло опять только въ силу какихъ-либо профессиональных нуждъ. Этотъ профессионализмъ былъ такъ глубоко вкорененъ въ понятіяхъ того времени, что когда въ кругу дворянъ упоминалась фамилія купца, то неизбежно слѣдовало спросить: «а чѣмъ онъ торгуетъ». Ни интересы, общіе жителямъ одного и того-же города, ни общеніе въ какихъ-либо организаціяхъ, напр. въ благотворительныхъ, дѣятельно кончъ свѣдѣли на купцовъ только какъ на жертвователей средствъ, ни общественная жизнь, ничто не связывало эти сословія, тогда какъ наоборотъ было многое, что ихъ разъединяло,—взаимное недовѣріе, неуверенность въ себѣ, а то и нѣкоторая зависть другъ къ другу, и боязнь себя скомпрометировать фамиллярнымъ обращеніемъ съ людьми другого сословія. Доходило дѣло до того, что многіе чистосердечно сокрушались о томъ, что одинъ видный купецъ попалъ въ члены англійскаго клуба.

Когда образовалась сословная дума, декорация внезапно перемѣнилась, создано общеніе этихъ разнородныхъ элементовъ, первоначально на общихъ муниципальныхъ задачахъ, а затѣмъ оно пошло и далѣе—въ область умственной жизни, интересовъ художественныхъ и свѣтскихъ.

Совмѣстное участіе въ совмѣстной работѣ хотя и основанное на сословномъ раздѣленіи, но безъ всякой розни и безъ малѣйшаго преимущества однихъ сословій передъ другими, породило интересъ къ такимъ вопросамъ и задачамъ, о конхъ въ былое время никто не думалъ и заботиться о конхъ представляли другимъ, но обязанности призваннымъ на то, и съ такими задачами тѣсно были связаны другія, болѣе широкія, требовавшія болѣе обширныхъ познаній, болѣе такта и умѣнія. Такъ никому прежде не было дѣла до того, сколько и откуда полицейскій чинъ получаетъ жалованія, когда-же въ новой думѣ гласные стали обсуждать полицейскіе штаты, самъ собою всталъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ города и полицейской власти. Никто не заботился бывало объ очисткѣ начистотѣ, зная, что ночью по улицамъ громыхаютъ какіе-то таинственные обозы, но разъ объ этомъ заговорили въ думѣ, то пришлось поднять разговоръ о санитарныхъ условіяхъ города. На этой общетрудовой почвѣ и выросло это сословное объединеніе, люди самаго разнообразнаго происхожденія оказались другъ съ другомъ солидарными въ одномъ и томъ-же дѣлѣ, притомъ весьма крупномъ и обѣщавшемъ въ будущемъ все болѣе и болѣе вырастать. Конечно, извѣстную роль тутъ играла новизна, какъ и самаго дѣла, такъ и созданнаго имъ общенія, а мы знаемъ, что всякая новизна имѣетъ для людей свою специфическую привлекательность.

Этому объединенію или сліянію много способствовала личность того, кто былъ избранъ первымъ городскимъ головою по новому положенію, гн. А. А. Щербатова. Многіе изъ москвичей помнятъ его рослую, грузную фигуру настоящаго барина-москвича, его неизмѣнно благодунную улыбку, его привѣтливость и его искреннее увлеченіе всѣми «вопросами дня», всѣми проявленіями и перипетіями

нашей общественности, сохранившиеся въ немъ до конца его жизни. Избрание его городскимъ головою возложило на него трудную задачу—преобразовать отжившее, въ буквальномъ смыслѣ допотопное городское управленіе въ такой организмъ, который согласовался-бы съ потребностями и запросами новаго времени, и который отвѣчалъ-бы принципамъ и идеаламъ дѣйствительнаго общественнаго самоуправленія, и съ этой задачей онъ справился съ полнымъ успѣхомъ. Многое изъ того, что въ теченіи 6-ти лѣтняго его управленія было имъ заслужено, улучшено, развито, сохранилось и до позднѣйшаго времени, и осязалось такъ сказать послѣдовательными его преемниками, въ томъ числѣ много лѣтъ послѣ того и мною, когда выборъ городского общества палъ на меня. Въ успѣшномъ выполненіи имъ этой задачи много помогло ему то объединеніе сословій, о которомъ я говорилъ и которое имъ положено было въ основу своихъ отношеній къ своимъ сотрудникамъ и соратникамъ въ городскомъ дѣлѣ, а этому въ свою очередь способствовали его личныя свойства — привѣтливость, тактичность и непоколебимое сознаніе равенства, общности и любви къ дѣлу въ тѣхъ задачахъ, къ которымъ призваны были всѣ общественныя силы. Впослѣдствіи, когда кн. Щербатовъ долгіе годы прожилъ безъ активнаго участія въ муниципальной дѣятельности, онъ являлъ собою живой примѣръ той магнетической силы, которая повидимому присуща городскому дѣлу и спеціально московскому: съ неослабнымъ вниманіемъ слѣдилъ онъ за всѣмъ, что совершалось въ городскомъ управленіи, постоянно былъ въ курсѣ всѣхъ его задачъ, любилъ бесѣдовать съ тѣми, кто ими вѣдалъ и притомъ обнаруживалъ непоколебимую любовь и преданность къ самому муниципальному дѣлу. Кстати, о магнетической силѣ городской дѣятельности: сколько приходилось мнѣ встрѣчать людей, которые либо сами отошли отъ нея, по преклонности лѣтъ, по утомленію или по инымъ какимъ-либо причинамъ, или которыхъ судьба перекинула въ другія области труда, порою вдалекѣ отъ Москвы, но которые навсегда сохранили въ себѣ эту глубокую преданность и любовь къ московскому городскому самоуправленію, которые считали его своимъ, роднымъ, этотъ ничѣмъ не нарушаемый интересъ къ его судьбамъ.

Доживали свой вѣкъ старыя судебныя учрежденія. Много слышалъ я разсказовъ о томъ, что въ нихъ творилось, и всѣ, кому случалось имѣть дѣло съ этими трибуналами, единодушно отзывались о нихъ неодобрительно, то съ негодованіемъ, то съ прозіей, даже и тѣ, кто принципиально стоялъ за всякаго рода старину и боялся всякихъ новшествъ.

«Присутственные мѣста», помѣщавшіяся въ томъ зданіи на Воскресенской площади, которое уступило мѣсто Городской думѣ, были для многихъ москвичей чѣмъ-то въ родѣ пугала, Дантова ада, чему способствовало и то, что въ томъ-же зданіи помѣщалась такъ называемая «яма», т.-е. тюрьма для несостоятельныхъ должниковъ, которая являлась грознымъ призракомъ для многихъ изъ свѣтской молодежи, кавалеровъ, удивлявшихъ Москву своею роскошью и безшабашною жизнью и въ которой они то и дѣло находили себѣ пріютъ. Эти суды, носившіе архаическія названія палатъ, уголовной и гражданской, и судовъ, палатнаго и совѣтскаго, создали издавна особый типъ дѣльцовъ, адвокатовъ и стряпчихъ, которые съ утра и до вечера толкались у Иверскихъ воротъ и подобострастно предлагали свои услуги

проходившимъ. Много разъ, возвращаясь изъ университета домой, я подвергался ихъ изкалательству и не безъ интереса всматривался въ ихъ фигуры, ухватки и костюмы, такъ превосходно изображенные Островскимъ въ Подхалюзинѣ.

Существовалъ еще Московскій Сенатъ. Въ немъ заседали старины не моложе 70 лѣтъ, и немногіе изъ нихъ знали, какими собственно дѣлами они были заняты. Быть можетъ въ прошломъ московскіе департаменты имѣли значеніе, но въ описываемое мною время они служили для правительства весьма удобнымъ складомъ для заслуженныхъ, но уже разрушившихся и пришедшихъ въ негодность дѣятелей. Эти живыя руины перѣдко появлялись въ дамскихъ салонахъ, и знаніе сенатора придавало имъ извѣстный почетъ, которымъ они видимо дорожили.

И не буду повторять сказанное мною въ первой части своихъ воспоминаній касательно того, какъ вліяніе новаго времени отразилось на учащейся молодежи и болѣе всего на университетской *). Ограничусь указаніемъ на два факта, оказавшіе вліяніе на общественный строй Москвы того времени. Университетъ получилъ автономію съ выборнымъ ректоромъ и деканами факультетовъ взамѣну назначавшихся начальствомъ, и этимъ разомъ выдѣлился изъ разряда простыхъ учебныхъ заведеній. Затѣмъ уничтожена была студенческая форма, мундиръ и такое само по себѣ незначительное обстоятельство, касавшееся только пышности, возымѣло большой смыслъ, давъ студентамъ почувствовать себя полноправными гражданами.

Всѣ реформы, какъ осуществившіяся, такъ и ожидаемыя, новыя вліянія, сколлапсировавшія общественныя силы и призвавшія ихъ къ общей работѣ, и притомъ такія вліянія, которыя такъ еще недавно считались чуть не преступными, появленіе новыхъ лицъ, дѣльных группъ ихъ, взаимное сближеніе ихъ на общіхъ интересахъ, бывшихъ до этого времени тѣмъ-то въ родѣ запрещеннаго плода—все это резко измѣнило весь общественный строй Москвы, перемѣнило ея быдешный бытъ, и отразилась даже на ея свѣтской, салонной жизни. Конечно, молодежь непрежнему увлекалась танцами, веселилась въ знакомыхъ гостепріимныхъ домахъ, шировала въ излюбленныхъ мѣстахъ, но рядомъ съ этимъ появились общественныя развлечения, на коллективныхъ началахъ, о какихъ прежде никто и не думалъ, и среди коихъ первое мѣсто занимало русское музыкальное общество со своими концертами въ залѣ благороднаго собранія, куда публика, и въ частности молодая ея половина, шла не ради только музыки, а какъ въ мѣсто сбора «всей Москвы» безъ различія возраста, сословія или положенія. Въ частности молодежь шла въ эти концерты изъ-за того, что тамъ удобно было встрѣчать такіе свои «предметы», героини своихъ романовъ, которыя не принадлежали къ общественнымъ слоямъ, «домами» не были знакомы съ ея родителями.

Вотъ въ эту обновленную, приподнято настроенную и ожидавшую свѣтлое и многообѣщавшее будущее Москву явился въ роли ея хозяина—какъ въ бывшее время принято говорить—кн. В. А. Долгоруковъ.

Положеніе безспорно трудное для человека, воспитаннаго при совѣтѣмъ иныхъ

*) См. 1-ю ч. «Воспоминаній», В. М. Голеницына — «Московскій университетъ изъ 60-хъ годовъ», «Гол. Мин.», 1917 г., № 11—12.

условіяхъ и свыкшагося съ инымъ укладомъ жизни, по личныя его качества о которыхъ я уже говорилъ, дали ему возможность быть на высотѣ его. Къ сказанному объ этомъ выше останется еще прибавить немного. Съ первыхъ шаговъ его въ Москвѣ онъ проявлялъ тонкое пониманіе, какъ самой Москвы со всеми ея свойствами, характерными чертами и особенностями, такъ и потребностей переживаемой эпохи, внесшихъ такъ много, непохожаго на прежнее, отжившее. Ревниво оберегая престижъ генераль-губернаторской власти, не упуская случая дать ее почувствовать когда и какъ это требовалось, онъ благожелательно и сочувственно отнесся ко всемъ общественнымъ организаціямъ и къ ихъ начальникамъ, и этимъ приобрѣлъ общее уваженіе и общее убѣжденіе въ томъ, что онъ — величина, съ которой приходится считаться и къ которой весьма полезно и нужно прибѣгать въ надлежащихъ случаяхъ. Такой успѣхъ князя основывается прежде всего на широкой и никогда не измѣнявшейся доступности его для всякихъ дѣловыхъ разговоровъ, словесныхъ просьбъ и заявленій, и можно смѣло сказать, что въ теченіи 25 лѣтъ не было такого дня, когда-бы онъ не принималъ просителей или докладчиковъ. А затѣмъ много въ этомъ помогло ему широкое гостепріимство и хлѣбосольство. Периодически повторявшіеся въ опредѣленные дни его балы, а равно обѣды съ ежедневно приглашенными, самыми разнообразными гостями, въ значительной степени способствовали его популярности, и его престижу, — а издавна извѣстно, что въ Москвѣ любили хорошо покушать. По поводу его пріемовъ я не могу не отмѣтить одной особенностн. Въ первый годъ своего пребыванія въ Москвѣ князь одолевѣлъ, а какъ по свѣтскимъ обычаямъ того времени дамамъ не полагалось дѣлать визиты одинокимъ мужчинамъ, какъ-бы высоко они ни стояли въ служебной іерархіи, то визиты эти замѣнялись посѣщеніемъ обѣденъ въ воскресенье и праздничные дни въ его домовую церковь. По окончаніи службы всѣ собравшіеся переходили въ желтую гостиную, гдѣ такимъ образомъ составлялся цѣлый раутъ, причемъ самъ хозяинъ не пропускалъ никого безъ того, чтобы не поговорить съ нимъ, сказать нѣсколько любезностей и поблагодарить за посѣщеніе и за добрую память.

Какъ я сказалъ, князь очень ревниво оберегалъ престижъ генераль-губернаторской власти, но вмѣстѣ съ этимъ оберегалъ онъ и свой личный престижъ, и очень боялся дать поводъ подумать, что кто-либо изъ приближенныхъ его могъ бы оказывать на него вліяніе, вѣдѣть на него, даже давать ему совѣты если самъ онъ не просилъ таковыхъ. Въ этомъ онъ былъ какъ-то особенно щекотливъ, и лишь только его собесѣдникъ въ дѣловомъ разговорѣ упоминаетъ, что въ разрѣшеніи даннаго дѣла могъ-бы помочь правитель канцеляріи, или другой довѣренный чиновникъ, какъ тутъ-же князь насунится и съ неудовольствіемъ отвѣтитъ: «Они обязаны исполнять мои приказанія и только». Ближайшіе его подчиненные, чины его канцеляріи, адъютанты, хорошо изучили эту черту его, и искусно пользовались ею ради успѣха того или другого дѣла, направляя его такъ, что всемъ казалось, что направленіе это дано было по мысли или по почину самого князя. Но, считая своихъ приближенныхъ простыми исполнителями своихъ распоряженій, онъ этимъ никогда не позволялъ себѣ ихъ унижать, затрагивать ихъ самолюбіе, а всегда умѣлъ извѣстить ихъ способности, ихъ пригодность къ тому или другому роду дѣла.

Я не помню, кто были въ первые годы правителями его канцеляріи, но въ концѣ 70-хъ годовъ должность эту занималъ В. И. Родиславскій, хорошо въ то время извѣстный въ Москвѣ какъ авторъ, а еще болѣе какъ переводчикъ драматическихъ произведеній, часто ставившихся на сценѣ Малаго театра. Уже немолодыхъ лѣтъ и щедро осыпанный знаками отличія онъ сохранилъ на себѣ отпечатокъ литературно-театральной богемы, которая была весьма характерна для того времени, но съ тѣхъ поръ какъ-то исчезла. Онъ представлялъ собою живой архивъ театрального дѣла, зналъ наперечетъ кто, какъ и когда игралъ такую-то роль, въ которомъ роду поставлена была такая-то пьеса и что при этомъ произошло, и въ его кабинетъ постоянно ходили за совѣтами и указаніями авторы новыхъ произведеній, артисты, получившіе новые роли, или просто любители театра. А тѣмъ временемъ онъ прекрасно велъ свое служебное дѣло, умѣлъ прилаживаться къ характеру своего начальника, къ его слабостямъ и капризамъ, а съ другой стороны умѣлъ удовлетворять всѣхъ, кто къ нему обращался по дѣлу. Послѣ смерти Родиславскаго правителемъ канцеляріи былъ А. Д. Мейнъ. Это былъ дѣлецъ въ полномъ смыслѣ слова, умный, остроумный, сдержанный, но пзъ-за этихъ свойствъ своихъ не всегда приходился онъ по вкусу публикѣ. Пробылъ онъ во главѣ канцеляріи 3 или 4 года, и удался на должность директора одного частнаго банка влѣдствіе какой-то таинственной исторіи. Въ то время гоненіе на евреевъ было въ модѣ, и въ Петербургѣ почему-то думали, что въ Москвѣ имъ благоволятъ кн. Долгоруковъ подъ вліяніемъ Мейна, и говорили, что удаленіе этого послѣдняго было потребовано отсюда, но насколько это справедливо утверждать я не могу.

IV.

Въ то время еще живъ былъ митрополитъ Филаретъ. То была безспорно крупная личность, съ теченіемъ времени завоевавшая себѣ въ Москвѣ значеніе чего-то похожаго на сватыню, на свещенный палладіумъ. Объ этой его роли я поговорю далѣе, а скажу теперь о двухъ моихъ встрѣчахъ съ нимъ. Въ первый разъ я видѣлъ его у насъ въ домѣ, куда онъ пріѣхалъ съ визитомъ къ моему дядюшкѣ, важному петербургскому чиновнику, гостившему у насъ. Меня и братьевъ моихъ повели подъ его благословеніе. Мнѣ было лѣтъ 12, я былъ одѣтъ въ русскую рубашку-косоворотку и плетевые шаровары, тогда какъ мои братья носили уже сюртуки. Благословляя меня, онъ шепнулъ: «и вамъ пора-бы лучше одѣться». Это очень не понравилось моей матери, когда я передалъ ей эти слова. Когда я уже былъ студентомъ, инспекторъ Красовскій повелъ меня къ нему, чтобы просить его разрѣшенія пригласить его собственный хоръ Чудовскихъ пѣвчихъ, въ то время по справедливости считавшійся первымъ въ Россіи, на духовный концертъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ. Онъ принялъ насъ довольно сухо, не посадилъ и, выслушавъ просьбу Красовскаго, настрѣзь отказалъ и отпустилъ насъ еще болѣе сухо. Съ любопытствомъ вглядывался я въ его крошечную, невзрачную фигуру, и въ его глаза, ибо мнѣ приходилось много о немъ слышать отъ людей близкихъ къ нему, въ особенности отъ моего бывшаго законоучителя, Н. И. Казанскаго, который былъ женомъ на его племянницѣ.

Въ томъ, какъ относились къ Филарету его современники и въ частности москвичи, царствовало крайнее разнообразіе—отъ безпредѣльнаго уваженія и благоговѣннаго преклоненія до глубокаго страха, недовѣрія, даже ненависти. Это послѣднее отношеніе къ нему, къ его личности, являли тѣ, кого онъ обидѣлъ, унижилъ, а такихъ—скрывать это нельзя—было очень много, особенно въ средѣ столичнаго духовенства. Что касается до благоговѣнія къ нему, то обаяніе его личности въ глазахъ многихъ москвичей, вытекавшее изъ несомнѣнныхъ его достоинствъ, усиливалось еще тѣмъ, что во все царствованіе Николая I онъ былъ въ немилости, его боялись, его держали въ отдаленіи похуже на опалу, а какъ Николаевскій режимъ вообще не встрѣчалъ сочувствія въ Москвѣ, то возмущеніе его противника, и еще такого крупнаго, выдающагося служило удобнымъ и благодарнымъ поводомъ проявить то своеобразное фронтисментство, которое издавна характеризовало москвичей и которое по какой-то традиціи продолжало высказываться и послѣ того, что режимъ и олицетворявшій его Николай I исчезли. При всемъ своемъ умѣ, богато одаренномъ и и просвѣщенномъ. Филаретъ, однако, не много оставилъ послѣ себя. Его проповѣди, безспорно талантливыя, превосходно и изящно построенныя, оставляютъ читатели равнодушнымъ, не трогаютъ его *). А его пространный катехизисъ еще дониндѣ составляетъ предметъ терзаній учениковъ средней школы и, конечно, не способствуетъ развитію въ нихъ религіознаго чувства. вмѣстѣ съ этимъ онъ былъ высшимъ олицетвореніемъ деспота, не признававшаго ничего и никого—кроме себя, не допускавшаго чтобы кто-либо отличался или выдѣлялся помимо него или вопреки ему, въ особенности же въ области церкви, ему подвѣдомственной.

За долготѣе свое служеніе онъ не вывелъ никого, не вырастилъ и не воспиталъ ни одного таланта, напротивъ угнеталъ и преслѣдовалъ всѣхъ, кто маломальски выдѣлялся, унижалъ ихъ, если они были подъ его властью, произносилъ на ихъ счетъ, если они не входили въ подвѣдомственныя ему круги, и это видно въ любой строкѣ напечатанныхъ его писемъ къ разнымъ лицамъ. Весьма вѣроятно, что та «немилость», которая такъ много лѣтъ тяготѣла надъ нимъ, повліяла на его характеръ, усилила его самолюбіе и гордость, возобладавшія надъ его умомъ. Деспотичность его особенно ясно выступала въ его обращеніи со всеми подчиненными. Старые, заслуженные священники кланялись ему въ ноги, подолгу лежали на полу передъ нимъ, пока онъ съ ними говорилъ, и онъ не только терпѣлъ это, но казалось этого требовалъ, какъ нѣкоторые изъ нихъ, его пережившіе, впоследствии передавали мнѣ. Такая требовательность по отношенію не только къ исполненію обязанностей со стороны подвластныхъ ему, но и наружныхъ знаковъ почтенія, соединялись въ немъ съ злопмятствомъ и мстительностью, которыя давали себя больно чувствовать, какъ тѣмъ, кто, по его мнѣнію, недостаточно унижался передъ нимъ, такъ еще болѣе тѣмъ, кто выдѣлялся помимо него заслугами, учеными трудами или

*) Для примѣра укажу на одну изъ его проповѣдей, однажды сказанную имъ въ университетской церкви. Мастерски изобразилъ онъ въ ней, и притомъ на церковномъ языкѣ, постепенно сплетая русскій съ церковно-славянскимъ, сущность и смыслъ тѣхъ объектовъ, которые дѣлаютъ университетское преподаваніе на четыре факультета. Какъ ни прекрасна по формѣ эта проповѣдь, а в ней слышится риторъ.

проповѣдничествомъ. Въ тѣхъ-же его письмахъ бросается въ глаза его безпопачное отрицаніе всего новаго, каковая черта свойственна многимъ старымъ людямъ, но у него она какъ-то особенно рѣзко выступала. Все по его мнѣнію было душно въ томъ, что-бы ни дѣлалось или ни задумывалось, во всѣхъ реформахъ, что однако не мѣшало ему взять на себя редакцію манифеста 19 февраля 1861 года.

Перейду къ другому, духовному-же лицу, по-моему стоявшему куда выше Филарета. Это—Макарій Булгаковъ, занявшій московскую митрополичью кафедру лѣтъ десять послѣ него. Въ Москвѣ его предварила слава богослова и церковнаго историка, труды котораго доставили ему исключительную почесть не въ Россіи только, но и неюду. Неизгладимое впечатленіе производилъ онъ въ служеніи, подобнаго которому я больше никогда не видѣлъ, въ проповѣдяхъ, всегда содержательныхъ, строго научныхъ, но доступныхъ пониманію каждаго, и притомъ безъ малѣйшей риторики или схоластическаго ораторства, и еще болѣе въ простыхъ бесѣдахъ съ глазу на глазъ съ кѣмъ-либо. Но почему-то онъ не пришелъ по душѣ Москвѣ. Мнѣ неизвѣстно, причину сего должно-ли искать въ томъ, что болѣе половины года онъ жилъ въ Петербургѣ—отъ чего во времена Филаретовской немилости Москва отвыкла—гдѣ онъ присутствовалъ въ Синодѣ, принималъ дѣятельное участіе въ работѣ академіи наукъ и занимался своею исторіей, для которой матеріалы были тамъ у него подъ руками, или-же въ томъ, что въ Москвѣ онъ жилъ замкнуто, мало служилъ «по приглашенію» въ богатыхъ приходахъ, при погребеніяхъ или освященіи новыхъ или возобновленныхъ храмовъ, или-же наконецъ въ томъ, что нѣкоторымъ ближайшимъ своимъ помощникамъ и служителямъ онъ переболѣлъ дорогу. Какова-бы ни была причина этой непопулярности, но черезъ три года послѣ своего назначенія онъ скончался отъ удара, будто-бы слѣдствіе огорченія, которое онъ испытывалъ въ Москвѣ отъ отчужденія ея отъ него.

Сопоставляя другъ съ другомъ эти два крупныя свѣтила, нельзя не удивляться тому, что память о Филаретѣ сохранилась доселѣ какъ о крупнѣйшей, исторической личности, несмотря на то, что завѣданное имъ послѣдующимъ поколѣніемъ не представляетъ сколько-нибудь серьезнаго вклада въ науку, въ церковную жизнь, въ общественное самосознаніе, тогда какъ личность Макарія, его роль, даже самое имя его изгладилось изъ людской памяти, а между тѣмъ его творенія—богословскія и историческія—не имѣютъ собѣ равныхъ въ русской письменности и имя его доселѣ пользуется большимъ почетомъ среди иностранныхъ и шведскихъ ученыхъ.

V.

Въ ту эпоху довольно часто смѣнялись губернаторы, фамилій которыхъ даже едва-ли кто теперь помнитъ. Узнавъ впоследствии, какъ кн. Долгоруковъ доожилъ своимъ правомъ или скорѣе установившимся издавна обычаемъ сказать свое мнѣніе о лицахъ, назначенныхъ на тотъ или другой постъ въ Москвѣ, я думаю, что и ранѣе меня это такъ дѣлалось и какъ назначеніе губернаторовъ, такъ и увольненіе ихъ проходило не безъ его участія. Въ числѣ занимавшихъ эту должность въ 70-хъ годахъ былъ П. П. Дурново, начавшій свою административную дѣятельность въ Москвѣ крупнымъ столкновеніемъ съ городскимъ головою И. А. Лямнымъ, по-

слѣдствіемъ котораго былъ уходъ этого послѣдняго. Этотъ инцидентъ произвелъ тягостное впечатлѣніе на Москву тѣмъ болѣе, что причина, вызвавшая его — оставленная у швейцара карточка вмѣсто расписки въ книгѣ — казалось только предлогомъ, подъ которымъ скрывалась какая-то тайная цѣль. О Ляминѣ мнѣ придется еще поговорить.

Почти одновременно съ кн. Долгоруковымъ въ Москву пріѣхалъ въ качествѣ оберъ-полицейстера Н. Д. Арановъ, и въ этой должности пробылъ много лѣтъ. Это былъ честный, добросовѣстный фронтовикъ, подобный всемъ своимъ соотечественникамъ жребіи переживавалъ прямо съ фронта въ добри администраціи, въ слѣдствіе чего они упорно, но и добродушно глядѣли на административныя задачи, какъ на совершенно идентичныя съ эскадронными. Впрочемъ въ то время требованія полицейской службы были куда проще, патриархальнѣе и сводились почти исключительно къ такъ называемымъ наружнымъ обязанностямъ. О какихъ-либо «охранахъ» тогда и помину не было, и если существовала тайная полиція и жандармерія, то первая занималась болѣе или менѣе удачно ловлей монашениковъ, а вторая дознаніями по семейнымъ дѣламъ.

Наиболѣе типичнымъ представителемъ полиціи былъ Н. А. Огаревъ, чуть не 30 лѣтъ прожившій въ должности старшаго полицейместера и стяжавшаго себѣ широкую популярностъ во всѣхъ слояхъ городского населенія. Едва-ли кто изъ москвичей не зналъ его фигуры громаднаго роста, съ длинными отвисшими усами, которые съ помощью искусства все болѣе чернѣли по мѣрѣ движенія лѣтъ; его зычный голосъ гремѣлъ въ толпѣ при какихъ-либо торжественныхъ случаяхъ, и дѣйствіе его на эту толпу было всегда какимъ-то магическимъ, она его слушалась безирекословно и въ то-же время имъ любовалась, его любила. Огаревъ можно сказать расточалъ себя, его можно было всюду и всегда видѣть, — въ театрахъ каждый вечеръ, въ манежѣ, гдѣ москвичи занимались верховой ѣздой, въ ресторанахъ, а то и просто на улицахъ, по которымъ онъ вихремъ мчался на традиціонной парѣ съ пристяжкой, каковой родъ упряжки сохранился нынѣ только у мусорщиковъ.

Во главѣ всенного округа стоялъ старый генералъ Гальденштрубе, изъ остзейскихъ гѣмцевъ, воспитанникъ Николаевского времени и до глубокой старости сохранившій въ его характерныя черты. Онъ представлялъ въ себѣ сочетаніе двухъ противоположностей: изысканно вѣжливый и любезный въ дамскомъ обществѣ или въ общеніи съ штатскими, не имѣвшими къ нему никакого служебнаго касательства, онъ былъ грозой для всѣхъ военныхъ. Съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ отыскивалъ онъ какія-либо несправности, промахи въ службѣ, на ученьяхъ или смотрахъ, небрежности въ пошеніи формы въ родѣ незастегнутой пуговицы или недостаточно высокаго воротника, и чѣмъ выше чиномъ былъ субъектъ, привлеченный на себя его неудовольствіе, тѣмъ какъ-то охотнѣе обрушивался онъ на него. Надо было видѣть какъ въ театрѣ напр., всѣ сидѣвшіе военные подтягивались и какъ какое-то смущеніе мгновенно пробѣгало по ихъ лицамъ лишь только въ партерѣ появлялась его высокая, довольно полная фигура съ коротко остриженными, бѣлыми волосами и съ равнодушнымъ, спокойнымъ выраженіемъ лица. — По служебной іерархіи генералъ-губернаторъ стоялъ выше командующаго, но въ военной области

было наоборотъ, и это порождало между кн. Долгоруковыми и Гальденштуббе нѣкоторое соревнованіе или соперничество, проявлявшееся въ разныхъ случаяхъ — напр. въ соборѣ при торжественныхъ служеніяхъ или во время пребыванія въ Москвѣ кого либо изъ царской семьи.

VI.

Какъ-же жила Москва въ то, уже столь далекое отъ насъ время? О видимыхъ ея формахъ жизни я скажу далѣе, а относительно самой сущности ея можно характеризовать ее усиленіемъ рабочей дѣятельности, и это почти во всѣхъ классахъ населенія. Всякого рода работа, потребность занять себя, проявиться, дать выходъ своимъ силамъ и способностямъ охватила людей, двинула ихъ на такія задачи и обязанности, которыя такъ долго лежали подъ запретомъ. Начали создаваться коллективныя учрежденія, общества—научныя, профессиональныя, благотворительныя—люди разныхъ происхожденія въ нихъ сближались другъ съ другомъ, и ихъ совмѣстный трудъ приносилъ плоды, осязаемыя и постороннимъ зрителямъ. Къ сожалѣнію, это движеніе мало распространялось на тотъ общественный кругъ, который ближе другихъ мнѣ былъ извѣстенъ и который можетъ быть названъ аристократическимъ, притомъ болѣе или менѣе чиновнымъ. Жизнь этого круга продолжала слѣдовать традиціямъ прежняго времени, по крайней мѣрѣ въ высшихъ своихъ формахъ, общественныхъ, служебныхъ и иныхъ. Касательно этихъ, бытовыхъ формъ стороннему зрителю, могло казаться, что ничто не мѣнялось въ нихъ сравнительно съ болѣе раннимъ періодомъ времени, тогда какъ тотъ-же зритель, сопоставивъ московскій бытъ тѣхъ годовъ съ тѣмъ, какой мы видимъ нынѣ, который созданъ у насъ въ теченіи перешитаго нами послѣдняго десятилѣтія, конечно, не узналъ-бы Москвы.

Эта Москва 60-хъ годовъ жила по прежнему, по старинѣ, по своему наслаждалась настоящимъ и не очень-то заботясь о будущемъ. Во многихъ подробностяхъ общественной или скорѣе салонной жизни замѣчалось подражаніе Петербургу, его придворному быту, что объяснилось тѣмъ, что водворялись въ Москвѣ многіе пришельцы съ береговъ Невы,—кто по служебнымъ обязанностямъ, кто по семейнымъ, а кто просто по необходимости — и въ этомъ подражаніи чулась порою нѣкоторая даже зависть къ петербургской столицѣ, къ ея блеску, къ столичному оживленію, ея изяществу, отгнѣпавшему провинціализмъ Москвы.

Что касается до высшихъ формъ городской жизни, то прежде всего надо замѣтить, что разъ населеніе Москвы было болѣе, чѣмъ на половину меньше его въ настоящее время, то уличное движеніе было весьма ограниченнымъ. Ни о какихъ общественныхъ способахъ передвиженія не было рѣчи, если не считать допотопныя «линейки», запряженныя четверней въ рядъ и отличавшіяся крайнѣ нечистоплотнымъ видомъ, которыя совершали свои рейсы исключительно по демократическимъ улицамъ, напр. по Покровкѣ и Маросейкѣ. Зато было много собственныхъ экипажей, болѣе или менѣе роскошныхъ, и москвичи любили этимъ щеголять, любили ими любоваться. Породистыя пары въ дышло, или кольцомъ скачущія приеязжки, запряженныя въ парѣ съ орловскимъ рысакомъ, кареты и коляски работы Ильина, Мякишева и другихъ знаменитыхъ мастеровъ, а то вывезанныя изъ Париза или

Вѣны—панереры въ украшали и оживляли московскія улицы, преимущественно въ извѣстные часы, когда на ихъ тротуарахъ медленно двигалась группами фланерирующая публика. Такое фланерство входило въ обычай, въ особенности при паступленіи весны, и излюбленными мѣстами были Кузнецкій мостъ съ его оконными выставками, и Тверской бульваръ, гдѣ молодежь обоюто пола могла безпрепятственно продолжать и развивать свои «романы», начатыя ею на балахъ и вечерахъ. Вонедши въ обычай, фланерство на улицахъ и въ особенности на бульварахъ едѣлало то, что иные субъекты казались специфическими принадлежностями извѣстной мѣстности, и однако трудно было представить себѣ напр. Кузнецкій мостъ безъ того или другого изъ нихъ, или ихъ въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ. Ежедневно въ часы наибольшаго оживленія можно было ихъ встрѣтить тамъ; медленно передвигая ноги, вглядывались они въ лица проходящихъ, особенно женскія, останавливались при проѣздѣ щегольской пары лошадей, и внимательно всматривались въ нихъ, въ экипажъ, въ монументальнаго кучера, даромъ, что каждый день это видѣли. Что касается бульваровъ, то одинъ изъ нихъ считался приличными и фланировать на нихъ было дозволено порядочному человѣку, конечно, днемъ, и такими были Тверской, Пречистенскій, Чистые пруды, тогда какъ другіе—Срѣтенскій, Страстной—имѣли плохую репутацію. На приличныхъ эти мѣстные аборигены бродили или сидѣли на скамьяхъ либо въ въ одиночествѣ, либо группами изъ трехъ-четырехъ подобныхъ имъ типовъ, и можно было подслушать все одинъ и тѣ-же разговоры между ними, предметомъ коихъ были одинъ и тѣ-же мѣстные, аборигенные интересы...

Въ теченіи многихъ лѣтъ и до начала 70-хъ годовъ во главѣ дворцоваго управленія опекунскаго совѣта стоялъ кн. Н. И. Трубецкой. Крѣпческаго роста съ брѣтвымъ лицомъ и отягченнымъ щеками онъ казался похожимъ на старую, русскую няню. Его можно было видѣть всюду—въ дамскихъ гостиницахъ, въ балетѣ, въ какомъ-нибудь благотворительномъ собраніи, и всюду онъ появлялся во фракѣ съ звѣздами громадной величины, всюду разговаривалъ безъ умолку, брапилъ все новое, во всемъ видѣлъ революцію. Бранивость повидному была въ его натурѣ, и пысканно любезный съ дамами, съ подчиненными по службѣ и вообще, съ мужчинами онъ не стѣснялся въ выраженіяхъ и разражался такими площадными ругательствами, какія слышались развѣ только отъ извозчиковъ. Это была характерная черта нашихъ вельможъ, выросшихъ на крѣпостномъ правѣ. Трубецкой питалъ большую слабость къ женскому полу, и въ большомъ театрѣ въ каждомъ антрактѣ отправлялся на сцену, куда двери были ему всегда открыты въ силу его положенія при дворѣ, и тамъ ухаживалъ за балеринами самымъ безцеремоннымъ образомъ. Когда пріѣзжала въ Москву какая-нибудь извѣстность изъ петербургскаго полусвѣта, ему тотчасъ-же объ этомъ сообщали, и москвичи могли видѣть его хорошо всѣмъ извѣстную, восьмидесятилетнюю карету съ придворнымъ лакеемъ въ красной ливрѣ, но цѣлымъ часамъ стоявшую у подъѣзда гостиницы Англія на Петровкѣ, гдѣ эти особы имѣли обыкновеніе пребывать. Между ними и кн. Долгоруковымъ было постоянное соревнованіе, но совсѣмъ особаго рода. Будучи въ одинъ и тѣхъ-же чинахъ кн. Долгоруковъ стоялъ по служебному своему положенію выше Трубецкого, тогда какъ этотъ первенствовалъ въ своихъ вѣдомствахъ—придворномъ и опекунскомъ. Это вызывало между

ними разныя тренія, причемъ каждый старался превзойти другого въ почетѣ, въ личномъ своемъ престижѣ, и въ частности въ умѣнія принимать у себя и угощать обѣдами, что вызывало немало комическихъ инцидентовъ.

Въ томъ-же дворцовомъ вѣдомствѣ долго служилъ С. М. Сухотинъ. Добрѣйшій человѣкъ, милый собесѣдникъ, онъ ещѣ специализировался на должности чтеца въ дамскихъ гостининыхъ, и дѣйствительно читалъ онъ мастерски, и ему московскія дамы были обязаны своимъ знакомствомъ со всѣми вновь появившимися произведеніями русской литературы. Помимо этой, добровольно имъ взятой на себя обязанности, свѣтская жизнь казалось была единственнымъ его интересомъ, онъ былъ тоже специфической принадлежностью московскихъ гостининыхъ, и не было ни одного вечера, самымъ даже скромнымъ размѣровъ, на которомъ его не было-бы, и онъ не напутку обижался когда его кто-либо не приглашалъ на вечеръ или обѣдъ.

Подобнымъ-же салоннымъ завсѣдатаемъ былъ кн. А. М. Хилковъ, старшій холостякъ, всю жизнь свою прожившій въ Москвѣ безъ какихъ-либо обременявшихъ его заботъ и интересовъ, кромѣ ежедневныхъ посѣщеній знакомыхъ ему домовъ, гдѣ онъ проводилъ вечера за картами, съ благоволившими ему дамами, у которыхъ онъ былъ довереннымъ лицомъ, семейнымъ другомъ. Такого рода дружба или привязанность его къ семьямъ съ какою-то особенною любовью проявлялась имъ при кончинѣ кого-либо изъ членовъ такой семьи: всѣ хлопоты по погребенію, по извѣщенію родныхъ, по завѣщательнымъ распоряженіямъ онъ принималъ на себя, и казалось быть убѣжденъ и въ томъ убѣждалъ и другихъ, что безъ него это не сладилось-бы. Онъ имѣлъ слабость къ хорошимъ обѣдамъ, любилъ чтобы его приглашали, и въ качествѣ застольнаго гостя стяжалъ себѣ особенную любовь со стороны хозяевъ своимъ умѣніемъ польстить имъ похвалами за вкусное блюдо. Въ противоположность ему его близкій другъ и товарищъ по гастрономіи А. С. Пунинъ любилъ угощать у себя, щеголялъ своимъ поваромъ, который славился въ Москвѣ, и такое застольное гостепріимство привело къ тому, что онъ буквально съѣлъ свое довольно крупное состояніе и кончилъ свою жизнь чуть не въ нищетѣ.

Въ началѣ 70-хъ годовъ переселился въ Москву баронъ Ф. Бюлеръ, назначенный директоромъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ и почетнымъ опекуномъ. Это былъ высоко-образованный человѣкъ, недюжиннаго ума, много выдавшій на своемъ вѣку, но вмѣстѣ съ этимъ онъ былъ дипломатомъ старой школы, пессимистической или горчаковской, которая воспитала цѣлое поколѣніе «служителей фразы» и для которой международная политика или дипломатія сводилась къ искусству редактированія изящныхъ, картинныхъ нотъ на французскомъ языкѣ. Не даромъ говорили про этихъ двухъ канцлеровъ, что они любуются собою, какъ въ зеркалѣ, въ своихъ чернильницахъ. Бюлеръ при всемъ своемъ умѣ и культурѣ, обладалъ порядочнымъ запасомъ тщеславія, но совѣтъ особаго рода. Онъ не мирился съ тѣмъ, чтобы кто-либо изъ его сверстниковъ или коллегъ по службѣ подвигался болѣе его въ почестяхъ, чинахъ или знакахъ отличія, и въ проявленіи этой черты онъ доходилъ до виртуозности. Особенно раздражалъ его въ этомъ его товарищъ по опекуному со-вѣту, Б. А. Нейгардъ, котораго еще многіе москвичи, вѣроятно, хорошо помнятъ. Высокаго роста, полный, представительный въ смыслѣ наружной напыщенности, онъ

казался рѣзкимъ, пылонирующимъ, но на самомъ дѣлѣ это была чутко-отзывчивая, добрая и благородная личность и вмѣстѣ съ этимъ превосходный хозяинъ. Но и онъ былъ тщеславенъ, и вотъ на этой почвѣ у него съ Бюлеромъ происходило соперничество или соревнованіе, кто кого обойдетъ, и оно нередко обнаруживалось въ комическихкихъ формахъ. Такъ напр. за парадными службами въ соборѣ каждый изъ нихъ старался стать впереди другого и постепенно, шагъ за шагомъ, подвигался. Замѣтливый этотъ маневръ кн. Долгоруковъ немало трудился надъ нимъ, порою и въ глаза имъ, и однажды, у себя за обѣдомъ сказалъ имъ, что они чего добраго такъ дойдутъ до царскихъ дверей.

Трупилъ надъ нимъ и ихъ коллега по опекунскому совѣту, В. А. Дашковъ, столь популярный въ то время директоръ Румянцевскаго музея. Было что-то особенно привлекательное въ его личности, даже въ его наружности. Онъ не былъ свѣтскимъ человекомъ, рѣдко появлялся въ московскихъ гостиницахъ, и казалось, служба его, а затѣмъ англійскій клубъ исключительно его занимали. Мягкій въ обращеніи, чуткій ко всѣмъ явленіямъ общественной жизни, онъ былъ истиннымъ другомъ своихъ друзей и въ подобающихъ случаяхъ проявлялъ по отношенію къ нимъ рѣдкую сердечность. Особенно цѣннымъ въ этомъ смыслѣ являлся онъ по отношенію къ кн. Долгорукову, когда послѣдовало удаленіе сего послѣдняго, о чемъ я еще буду говорить, и когда вслѣдъ за этимъ и я выпущенъ былъ покинуть административную службу. Дашковъ въ свое время много поработалъ какъ въ развитіи и усовершенствованіи музея въ одномъ отдѣлѣ, этнографическомъ, который увѣковѣчилъ его имя, такъ и ранѣе этого въ устройствѣ этнографической-же выставки, въ чемъ онъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ профессора А. П. Богданова.

Въ числѣ московскихъ дамъ того времени были такія, которыя возведены были общественнымъ мнѣніемъ на степень повелительницъ, полубогинь, къ кому обязательно было идти на поклонъ въ извѣстныхъ случаяхъ. Такова была кн. С. С. Щербатова, мать городского головы, и ни одной дамѣ, дочери коей начинали «выѣзжать въ свѣтъ» не пришлось-бы въ голову воздержаться отъ визита къ ней для ихъ представленія. Многія изъ этихъ дамъ стояли во главѣ благотворительныхъ учреждений и обществъ, и если личная ихъ дѣятельность въ нихъ свидѣтельствовала о ихъ человеколюбіи, сердечности, усердіи въ оказаніи публичной помощи, то самая конструкція этихъ обществъ могла вызывать недоумѣніе насчетъ того, работаютъ-ли эти дамы для общества или общества предназначены для времяпровожденія дамъ. Когда въслѣдствіи учредились городскія попечительства, этого рода дамская общественная благотворительность потеряла всякое реальное значеніе. Эти филантропическія учрежденія, какъ ни старались ихъ руководительницы выполнять на дѣлѣ ихъ основныя задачи, прекрасно задуманныя, въ сущности мало помогали нуждающимся въ нихъ, а скорѣе служили цѣлямъ, мало имѣвшимъ дѣло съ филантропіей, но близко касавшимся тѣхъ, кто служилъ въ нихъ. Дамы занимались этой благотворительностью подобно тому, какъ занимались какими-либо ручными работами, вышиваніями или вязаніями, черную работу выполняли чиновники, секретари, правители дѣлъ, всегда услужливые, преданные въ молчаливскомъ духѣ, по зачастую и себя притомъ не забывавшіе, а средства доставлялись богатыми людьми, коммер-

саидами или помѣщиками, охотившимися за крестами и медалями. Общественной, а въ частности городской, болѣе или менѣе систематизированной благотворительности еще и рѣчи не было, она словно не входила въ задачи городского управленія.

VII.

Въ своихъ университетскихъ воспоминаніяхъ я уже говорилъ какое воздѣйствіе Каракозовское покушеніе 4-го апрѣля 1866 года имѣло на строй студенческой жизни. Теперь мнѣ надлежитъ разсказать каковы были его послѣдствія въ жизни общества и въ политикѣ высшаго правительства. Послѣдствія эти были двоякаго рода или скорѣе обозначались по двумъ разнымъ направленіямъ, но обозначились они не тотчасъ, а лишь спустя довольно продолжительное время, когда мы догадались, что это покушеніе было на самомъ дѣлѣ поворотнымъ пунктомъ въ исторіи Россіи 60-хъ годовъ. Первое послѣдствіе первоначально было по характеру своему чисто теоретическимъ, и лишь постепенно оно выливалось въ реальныя формы: пазову его недоувѣрчивостію къ общественнымъ силамъ, какъ органамъ мѣстнаго управленія. Наоборотъ второе имѣло весьма реальный и осязаемый характеръ, быстро возраставшій: его можно назвать спортомъ политическаго сыска.

О томъ и другомъ слѣдуетъ поговорить.

Съ 1896 года въ нѣкоторыхъ общественныхъ кругахъ, вдохновляемыхъ петербургскою бюрократіей и болѣе или менѣе тѣсно связанныхъ съ нею, пробудилось какое-то особенное, болзливое чувство къ новымъ учрежденіямъ, созданнымъ въ эпоху реформъ, какъ общественнымъ, такъ и судебнымъ. Первоначально чувство это выражалось въ сатирическомъ, насмѣшливомъ тонѣ, — разсказывались анекдоты, приводились комическіе случаи изъ практики, конечно, щедро прикрашиваемые, представлялись въ комическомъ видѣ тѣ или другія начинанія и распоряженія земскихъ а еще болѣе городскихъ дѣльцовъ. Правда, нѣкоторыя проявленія своего недоумѣнія и своей неприспособленности со стороны этихъ послѣднихъ, равно какъ нѣсколько неудачныхъ оправдательныхъ приговоровъ въ судахъ дали благодарныя темы для подобныхъ насмѣшекъ. Но мало по малу, такое сатирическое отношеніе уступило мѣсто болѣе серьезному, притомъ отрицательнаго характера. Бюрократія и связанная съ нею общественные элементы, видя какъ земскія учрежденія постепенно входятъ въ жизнь, какъ значеніе ихъ на мѣстахъ растетъ, какъ городское управленіе все болѣе развиваетъ область своего вѣдѣнія въ жизни города, какъ суды и въ частности мировыя институты, завоевываютъ себѣ авторитетность, — усмотрѣли во всемъ этомъ угрожающую имъ опасность, какъ реальную, въ смыслѣ сокращенія ихъ правъ и возложенія на нихъ отвѣтственности, такъ и болѣе отвлеченную, въ смыслѣ неизбежнаго увѣнчанія всего этого созданіемъ государственнаго представительства, т.-е. конституціоннаго образа правленія. Надо замѣтить, что и въ то время бюрократія разумѣла подъ своими правами свободу произвола, а подъ своею отвѣтственностію подчиненіе непосредственному начальству. Такое отношеніе къ новымъ учрежденіямъ вызвало предвзятое заключеніе не только о непригодности ихъ, о слишкомъ торопливомъ и несвоевременномъ ихъ созданіи, но

въ большой степени о томъ, что народъ русскій къ нимъ неподготовленъ, недостаточно развитъ, и что только сильная власть, безъ примѣси какихъ-либо умѣряющихъ и ограничивающихъ ее элементовъ можетъ держать его въ рукахъ, внушать ему повиновеніе и на этомъ основывать свое благополучіе. Люди, вънавившіе такіа мнѣнія, само собою разумѣется должны были придти къ выводу, что общественныя учрежденія вѣдающія мѣстныя дѣла помимо администраціи, а суды сравнившіе всѣхъ передъ закономъ, неминуемо должны привести къ «поколебанію основъ», т.-е. къ революціи, и вотъ этотъ революціонный характеръ, умышленно присвоенный новымъ учрежденіямъ, обусловилъ въ концѣ концовъ тѣ гоненія на эти учрежденія, въ частности на земскія, которыми ознаменовалась послѣдовавшая затѣмъ эпоха, а еще болѣе слѣдующее царствованіе. Не одни злые приверженцы старыхъ порядковъ, отрицающіе возможность всякаго прогресса въ государственномъ строѣ, но и одни устарѣвшіе и остановившіеся на точкѣ замерзанія такъ разсуждали, а эти сужденія высказывались въ самыхъ широкихъ кругахъ, самыми разнообразными по возрасту, положенію, образу мыслей людьми. проиикли въ печать, въ коей издавались органы специально направленные для противодѣйствія новымъ элементамъ, для дискредитированія ихъ въ глазахъ читателей. На мѣстахъ какъ администраторы старой школы, такъ и представители дворянства зачастую старались подорвать авторитетъ земствъ. — первые какъ элементъ, поколебавшій ихъ власть, вторые какъ нечто, ограничивающее ихъ значеніе и мало ихъ за это вознаградившее предоставленіемъ имъ первенствующей роли въ земскихъ собраніяхъ. Мнѣ пришлось слышать одного представителя дворянства, который хвалился тѣмъ, что въ предѣлѣстѣемомъ имъ уѣздномъ собраніи онъ изощрялся «ставить палки въ колеса» въ любой докладъ управы.—а равно губернатора, который разсказывалъ въ дамскомъ обществѣ, что онъ далъ возможность одному разорившемуся помѣщику избѣжать объявленія его несостоятельнымъ должникомъ въ «нику хваленому суду», и этотъ разсказъ его вызвалъ чуть не единодушное одобреніе. Такимъ образомъ постепенно развивавшійся походъ на общественныя и судебныя учрежденія велъ шагъ за шагомъ къ сокращенію ихъ компетенцій, къ урѣзыванію ихъ правъ и обязанностей—какъ напр. въ усиленіи надзора за городскими думами и земскими управами со стороны администраціи, въ болѣе широкое право ея вмешательства въ ихъ собственныя, ихъ однихъ касавшіеся дѣла, въ созданіи судебныхъ присутствій съ сословными представителями взамѣнъ присяжныхъ, наконецъ въ широкое развитіи административнаго суда, если можно назвать судомъ тѣ карательныя мѣры, къ которымъ полицейская власть все болѣе и болѣе часто прибѣгала. Къ чему въ концѣ концовъ все это привело—все это всѣмъ извѣстно.

Что касается до «политики», то караказовскій выстрѣлъ въ первую минуту ошеломили общественное мнѣніе, единодушное негодованіе пробудилось въ немъ по отношенію къ покушавшемуся на жизнь цари. Но когда первое впечатленіе мало по малу сдѣлалось, всѣ вразумки стали искать настоящихъ виновниковъ, считая, что совершившій это дѣяніе являлся либо представителемъ цѣлаго общества, либо слѣпымъ орудіемъ кого-то, спрятавшимся за его слѣпой. Трудно теперь повѣрить, какія легенды, какія нелѣпости, какія даже преступныя догадки строились на этой

темъ. Дѣло дошло до того, что въ нѣкоторыхъ кругахъ высказывались предположенія, что покушеніе внушено было вел. кн. Константиномъ Николаевичемъ, издавна заявившимъ себя либераломъ и потому враждебно настроеннымъ по отношенію къ своему старшему брату. Но лейтъ-мотивомъ всѣхъ этихъ разговоровъ были сътованія на избытокъ свободы, дарованный реформами, которыя призвали къ жизни и къ дѣятельности такіе элементы, которые не могли или не желали быть опорами или слугами правительства, и которые поэтому представлялись неблагонадежными, хотя этотъ терминъ еще не имѣлъ въ то время того общепонятнаго значенія, какое приобрѣлъ впоследствии. Такимъ образомъ оба эти направленія, — недовѣріе къ общественнымъ силамъ и ихъ участію въ государственномъ строительствѣ, и предположеніе о причинной связи ихъ съ преступнымъ замысломъ слились въ одно русло въ сознаніи бюрократіи и близкихъ къ ней общественныхъ элементовъ и привели ее къ выводу, что свободы дано слишкомъ много или слишкомъ рано и что пора вернуться назадъ, пора взяться за подтягиваніе. На бѣду Россіи это послѣднее направленіе возобладало.

Но съ общественными учрежденіями и съ ихъ посягательствами на права и обязанности правительства можно было бороться путемъ изданія новыхъ законовъ или истолкованія старыхъ, путемъ циркуляровъ и отдѣльных распоряженій, а съ политической неблагонадежностью этого нельзя было, и вотъ на сцену появились сыскъ въ самыхъ разнообразныхъ, а порою и остроумныхъ видахъ и формахъ. Жандармскія управленія, какъ на мѣстахъ, такъ и въ центрѣ, постепенно выдвигались на первый планъ, тогда какъ до этого они играли самую ничтожную роль, и съ ихъ легкой руки разысканія виновниковъ и подозрительныхъ людей, вычитываніе вреднаго направленія въ книгахъ и журналахъ, подчеркиваніе неблагонадежныхъ преній въ собраніяхъ или разговоровъ въ частныхъ кружкахъ—сдѣлались зауряднымъ явленіемъ, которое кажется я въ правѣ быть назвать извѣстнаго рода спортомъ. Эти приемы постепенно возрастали по мѣрѣ того, что террористическіе акты учащались, и привели въ концѣ концовъ къ тому расцвѣту всякаго рода «охранъ», административныхъ мѣропріятій, полныхъ инсинуированій основныхъ началъ правосудія, котораго мы всѣ были свидѣтелями. Нечего мнѣ распространяться о томъ, какъ все это произошло и чѣмъ кончилось.

VIII.

Когда въ маѣ 1869 г. я кончилъ университетскій курсъ, я очутился въ томъ положеніи, въ какомъ оказывается 9/10 изъ подобныхъ мнѣ юношей: нѣтъ въ рукахъ кандидатскій дипломъ, я былъ на самомъ дѣлѣ кандидатомъ, но чего—я того не зналъ. Ничтожное меньшинство изъ насъ уже опредѣлило себѣ свое будущее еще во время пребыванія въ стѣнахъ университета, либо намѣтивъ себѣ специальную карьеру, научную или преподавательскую, либо обусловленную какими-либо матеріальными интересами. Для громаднаго большинства изъ насъ мысль о будущности какъ-то сама собою сливалась съ представленіемъ о карьерѣ, въ буквальномъ смыслѣ этого довольно трпвіальнаго термина, т.-е. о службѣ въ томъ или иномъ казенномъ вѣдомствѣ. Случайность помогла мнѣ выйти изъ этого неопредѣленнаго положенія.

Бывшій въ то время московскимъ городскимъ головой кн. В. А. Черкасскій предложилъ мнѣ вступить въ число служащихъ въ канцеляріи Распорядительной Думы—переименовавшейся впоследствии въ Городскую Управу—такъ какъ онъ намѣревался обновить ея личный составъ цѣликомъ взятый его предшественникомъ изъ прежней шестигласной думы, и обновить его людьми съ университетскимъ образованіемъ. Такъ это и послѣдовало, въ августъ того-же 1869 года я вступилъ въ число городскихъ служащихъ, первоначально безъ какихъ-либо опредѣленныхъ обязанностей, а два мѣсяца спустя я назначенъ былъ столоначальникомъ 1-го стола 1-ой экзекутивной—такъ назывались отдѣленія, вѣдающимъ личный составъ Распорядительной Думы. Не гадалъ я, что этотъ мой служебный дебютъ какъ-бы опредѣляетъ собою всю дальнейшую мою дѣятельность, которая съ этого момента и до конечной своей точки оказалась непрерывнымъ служеніемъ моему родному городу, Москвѣ, сперва въ качествѣ гласнаго, затѣмъ въ періодъ моей административной службы, когда мнѣ приходилось быть въ такомъ близкомъ соприкосновеніи съ дѣятельностью городского управленія, и наконецъ въ призваніи меня моими согражданами на высокій постъ городского головы.

Въ то далекое отъ насъ время дума помѣщалась въ д. гр. Шереметева на Воздвиженкѣ. Хоромы были обширныя, роскошныя, и всѣ отдѣльные органы Распорядительной Думы размѣщены были шпроко, быть можетъ потому, что эти органы, по количеству персонала и по размѣрамъ своихъ дѣлопроизводствъ представляли ничтожные зародыши того, во что они разрослись впоследствии. Мой столъ помѣщался на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоятъ сцены въ зрительной залѣ Охотничьаго клуба. Слово «столъ», должно быть понято буквально, ибо область мнѣ вѣренная состояла изъ одного стола, четырехъ стульевъ—для меня, моего помощника и двухъ писцовъ—и небольшого шкафа для дѣлъ.

Въ этихъ богатыхъ хоромѣхъ копошился персоналъ, далеко не отвѣчавшій имъ, и болѣе подходящий къ тѣмъ закоулкамъ и чуланчикамъ, въ которыхъ помѣщалась бывшая шестигласная дума въ зданіи присутственныхъ мѣстъ у Иверскихъ воротъ. Лишь немногіе изъ канцелярскихъ дѣятелей были привлечены кн. Щербатовымъ и Черкасскимъ изъ новыхъ элементовъ, а то все были старые, поспѣлые, перекинутые волею судебъ въ новыя хоромы, но съ прежними должностями, а главное съ прежними обычаями, обрядностями и хватками всякаго рода. Къ слову будь сказано, что я очень скоро взгляды съ какою виртуозностью эти дѣлцы умѣли получать плату за всякія услуги ими оказанныя просителямъ, и какъ эти поспѣлые, въ свою очередь, искусно умѣли ихъ давать, или предлагать, въ томъ числѣ и мнѣ, и какъ удивлялъ ихъ мой отказъ, противорѣчившій ихъ понятіямъ о служебномъ дѣлѣ. Однимъ изъ наиболее типичныхъ представителей этой чиновничьей формаціи былъ мой помощникъ, глѣбо П. Старый уже, юркій, вырочивый, неизмѣнно облеченный въ длинноногий сюртукъ съ золотыми пуговицами и съ 35-ти лѣтнимъ Владимиромъ въ петлицѣ, онъ до толкосты зналъ всю канцелярскую обрядность, всю вышнюю, формальную сторону любого дѣла, производящагося въ столѣ, но далѣе этихъ узкихъ рамокъ онъ ничѣмъ не интересовался, не видѣлъ ничего даже изъ того, что было въ задачахъ сосѣдняго стола, а съ этимъ вмѣстѣ онъ подъ шумокъ обдѣлывалъ свои дѣ-

лишки, дружить съ состоятельными просителями, извлекалъ изъ дѣлъ, особенно-же касавшихся выборовъ, свои выгоды. Всѣ приемы его, ухватки, способъ выражений, обращеніе съ новыми, болѣе молодыми чиновниками такъ и прояснились на сцену. Подобныхъ ему было много во всѣхъ отдѣленіяхъ, и отъ нихъ вѣяло стариной, стариннымъ подъячествомъ.

Кн. В. А. Черкасскій былъ безспорно крупною личностью, выдѣлявшеюся на довольно таки безцвѣтномъ фонѣ нашей общественной жизни въ началѣ второй половины прошлаго столѣтія. Его широкій умъ, громадн. всесторонняя эрудиція, его поразительная работоспособность и его выработанный въ себѣ навыкъ въ разныхъ областяхъ практической дѣятельности казался предназначали его на первыя роли въ обществѣ и государствѣ. И эти роли выпали ему на долю, онъ начиналъ ихъ играть—изъ крестьянской реформы, въ переустройствѣ царства Польскаго послѣ возстанія 1863-го года, въ организаціи освобожденной Болгаріи въ 1877 году. Но ни въ одной изъ этихъ, взятыхъ имъ на себя или на него возложенныхъ задачъ онъ не достигалъ конца, не переходилъ отъ превосходно разработаннаго плана, самостоятельно созданнаго имъ въ себѣ и вполне отвѣчнаго реальнымъ потребностямъ даннаго времени, къ широкому и послѣдовательному осуществленію его на практикѣ. Такъ послѣ того, что былъ обнародованъ манифестъ 19-го февраля 1861 года его имя уже не встрѣчается въ работѣ по реальному проведенію въ жизнь крестьянской реформы, изъ Польши онъ неожиданно для всѣхъ удался, не докончивъ возложеннаго на него дѣла, а Болгарію устроили безъ него, правда уже послѣ его кончины. Быть можетъ, причина такой непослѣдовательности или невыдержанности таилась въ его характерѣ или личныхъ свойствахъ, но главнымъ образомъ она простекала отъ его друзей. Дѣло въ томъ, что его поклонники—и нельзя не сказать чтобы они не имѣли полнаго права быть таковыми—преувеличивали свое благоговѣніе къ нему въ томъ смыслѣ, что считали его недостаточно оцѣненнымъ кѣмъ слѣдуетъ, что почему-то медлятъ его призвать на постъ министра, и видѣли въ немъ, благодаря этому промедленію, этой недостаточной оцѣнкѣ, жертву людской несправедливости, боязни его выдающихся способностей, зависти къ нему со стороны представителей государственной власти. Такое отношеніе къ нему не въ мѣру услужливыхъ друзей, ставившихъ его въ своихъ отзывахъ и сужденіяхъ о немъ на одну доску съ Капуромъ или Риншелье, не могло не отразиться на немъ, не вызвать въ немъ чувства обиженной жертвы, и это чувство въ свою очередь давало себя знать въ его рѣчи, въ его воззрѣніяхъ на текущія событія, въ его оцѣнкахъ происходящаго вокругъ него. Впрочемъ весьма вѣроятно, что въ правительственныхъ сферахъ дѣйствительно боялись его ума, ибо какъ извѣстно въ этихъ сферахъ всегда и всюду предпочтеніе отдается посредственностямъ, людямъ зауряднымъ, подходящимъ подъ общій, всѣмъ привычный уровень. Если нельзя сказать, что это чувство своего превосходства породило въ Черкасскомъ чрезмѣрно высокое о себѣ мнѣніе, что не согласовалось-бы съ его умомъ и его дарованіями, то тѣмъ не менѣе оно развило въ немъ нѣкоторую рѣзкость въ обращеніи, нетерпимость и требовательность по отношенію къ сотрудникамъ по службѣ, къ ихъ взглядамъ и мнѣніямъ. Въ частности, когда онъ былъ въ должности московскаго городского головы, въ его дѣятельности,

въ его отношеніяхъ къ городскому дѣлу чувствовалось, что онъ считаетъ это дѣло слишкомъ для себя ничтожнымъ, мизернымъ, и что онъ ему посвящаетъ себя лишь за неимѣніемъ другого, болѣе крупнаго, болѣе отвѣчнаго его способностямъ. Но имѣлъ съ этимъ онъ обладать въ высокой степени однимъ качествомъ, весьма цѣннымъ въ служебномъ дѣлѣ: онъ умѣлъ быстро распознавать людей, опредѣлять ихъ достоинства, ихъ пригодность въ той или другой отрасли даннаго дѣла и использовать ихъ въ этомъ направленіи. Но и свою городскую дѣятельность въ Москвѣ онъ прервалъ, не доведя ее до конца, т.-е. до срока выборовъ, правда по «независящимъ обстоятельствамъ», какъ уже и въ то время это называлось. Дѣло въ томъ, что въ концѣ 1870 г., когда франко-прусская война близилась къ концу и когда строй старой Европы казался имѣть быть перекроенъ по новому, московская дума подала государю адресъ съ требованіемъ свободы совѣсти, печати, общественныхъ союзовъ, но и съ намекомъ на своевременность дарованія Россіи конституціоннаго образа правленія. Адресъ былъ составленъ Н. С. Аксаковымъ, одобренъ Черкасскимъ и нѣкоторыми наиболѣе влиятельными гласными и принятъ единодушно думой, но дальше этого онъ не пошелъ. *) Разные слои общества отнеслись разнo къ такой манифестаціи. Одни съ искреннимъ сочувствіемъ, другіе съ ужасомъ, увидавъ въ ней чуть не прологъ къ революціи, и эта послѣдняя оцѣнка возобладала, правительству убоилось, какъ это всегда бываетъ, адресъ не былъ принятъ, и козломъ отпущенія, правда, послѣ нѣкотораго промежутка времени, вѣроятно, ради соблюденія приличій, явился Черкасскій, которому внушено было, что для него настало время удалиться въ частную жизнь, что онъ и сдѣлалъ. Его замѣнилъ Н. А. Лямпъ, но не на продолжительный срокъ, такъ какъ ожидалось въ Москвѣ введеніе новаго городского положенія, ураздннвнаго дѣленіе на сословія.

Хотя служба моя въ канцеляріи Распорядительной думы недолго продолжалась— всего одинъ съ небольшимъ годъ—но благодаря ей я хорошо ознакомился съ технической стороной канцелярскаго дѣлопроизводства, а это очень пригодилось мнѣ въ будущемъ. Вскорѣ послѣ моей отставки я вступилъ въ бракъ, уѣхалъ съ молодой женой за границу, а по возвращеніи въ Москву я снова очутился въ неопредѣленномъ положеніи, не зная что съ собою дѣлать, что предпринять.

IX.

Служебное мое положеніе не замедлило опредѣлиться и притомъ двойственно: въ концѣ 1872 года я былъ избранъ гласнымъ Московской Городской Думы, и въ то-же время, ради полученія правъ государственной службы, я былъ причисленъ къ

*) Когда я былъ городскимъ головой, мнѣ случайно попалъ въ руки архивное дѣло, въ которое подшитъ былъ проектъ этого злополучнаго адреса, и какимъ невиннымъ показалось мнѣ это произведеніе Аксаковского пера. Я не доумывалъ насчетъ того, чего собственно правительство такъ испугалось и рѣшилось не допускать его до назначенія, разъ выраженныя въ немъ мысли, чаянія и желанія были ходячей монетой въ то время, когда я его перечитывалъ. Правда, съ того момента прошло 35 лѣтъ, а за это время много утекло воды и много ея притекло въ русло нашего общественнаго самосознанія.

Московскому Дворцовому управленію, въ которомъ дослужился до званія совѣтника. Объ этой послѣдней моей службѣ распространяться я не буду, ибо воспоминанія о ней вызываютъ во мнѣ ощущеніе полной ея безсодержательности и едва-ли могутъ представлять какой-либо интересъ для читателей. Цѣлыхъ шесть лѣтъ прослужилъ я такимъ образомъ, и этотъ продолжительный періодъ времени я выравъ былъ-бы назвать потерей времени если-бы рядомъ съ этимъ меня не увлекала и не захватила цѣликомъ въ себя работа въ городской думѣ. Вместе съ этимъ въ дворцовой службѣ обнаружились для меня кое-какія неприглядныя черты со стороны сослуживцевъ, которыя въ концѣ концовъ оттолкнули меня отъ нея и побудили безъ всякаго сожалѣнія ее покинуть.

Открытію новой думы обставлено было нѣкоторою торжественностью. Былъ молебень въ присутствіи властей, служилъ викарій Леонидъ, пользовавшійся особымъ расположеніемъ московскихъ дамъ, подозрѣвавшихъ какую-то романтическую подкладку въ томъ, что онъ промѣнялъ мундиръ морского офицера на монашескую рясу. Послѣ молебна Н. А. Ляминъ, городской голова прежняго состава, открылъ первое засѣданіе, заключавшееся только въ подачу записокъ о кандидатахъ въ головы. Каковыхъ оказалось двое: Ляминъ и кн. Щербатовъ. Въ слѣдующемъ засѣданіи происходила баллотировка шарами, и Ляминъ опередилъ Щербатова на два или на три голоса. Мнѣ неизвѣстно, дѣйствительно-ли этотъ послѣдній намѣренъ былъ возмѣнить свою городскую дѣятельность или услужливые друзья его выставили его кандидатуру, но самый фактъ свидѣтельствовалъ о нѣкоторомъ легкомысліи съ его стороны. Дѣло въ томъ, что должность Московскаго городского головы искони считалась принадлежащею московскому купечеству, по праву или по преданію, и, если бывали исключенія, если на этотъ постъ призывались люди изъ другихъ сословій, то это было уступкой со стороны купечества, или это случалось когда въ данную минуту въ его средѣ не было подходящаго лица. Поэтому тягаться съ кандидатомъ купечества, вдобавокъ занимавшимъ уже эту должность и стоявшимъ во всѣхъ отношеніяхъ на высотѣ ея, и притомъ въ такой думѣ, въ которой большинство состояло изъ купцовъ, было невозможно. Избранный Н. А. Ляминъ—прекрасный человѣкъ, умный, самолюбивый, какъ о немъ кто-то выразился—недолго пробылъ въ должности. Небольшое столкновеніе его съ вновь назначеннымъ губернаторомъ Дурново, или скорѣе выходка этого послѣдняго, вызвала его отставку и временное, хотя предшествовавшее цѣлыхъ 8 мѣсяцевъ, исправленіе должности головы упомянутымъ мною вѣнцемъ С. А. Ладженскимъ, котораго дума выбрала на новоучрежденную должность товарища.

А это была ценюемая личность, заслуживающая вниманія. Богато одаренный отъ природы и культурный, онъ былъ очарователемъ въ обращеніи, какъ на службѣ, и почитно было, что онъ насчитывалъ много побѣдъ надъ дамскими сердцами. Работоспособность его была изумительна, и съ первыхъ-же дней своей службы въ городскомъ управленіи онъ сдѣлался главной его двигательной силой, предвосхитивъ такъ сказать въ свою пользу задачи и обязанности учрежденной вполнѣдствіи должности товарища городского головы, каковымъ первымъ онъ и былъ. Дважды исправлялъ онъ должность городского головы, и притомъ довольно долго, послѣ двухъ событій.

о которыхъ рѣчь будетъ впередъ. Его казалось недостаточно цѣнили и когда на городскихъ выборахъ 1878 г. побѣдила одна партія, то ея представители, взявъ власть въ свои руки, причинили ему не мало огорченій, отъ которыхъ послѣдовала его внезапная смерть. Либераль школы 60-хъ годовъ, онъ подвизался въ литературѣ, подписывалъ псевдонимомъ очень милыя новѣсти и рассказы, и своею фамиліей серьезные статьи по общественнымъ и экономическимъ вопросамъ, въ журналахъ, уже и тогда слышавшихъ перестройку.

Положеніе Ладженскаго было чрезвычайно трудно, какъ потому что онъ «калѣфа на часъ», такъ еще и потому, что далеко не забытая еще исторія съ конституціоннымъ адресомъ и только-что происшедшій инцидентъ съ Дурново вызвали въ новоизбранныхъ гласныхъ нѣкоторое раздраженіе, а съ другой стороны правительственные органы начинали глядѣть на московскую думу какъ на «очагъ» чего-то враждебнаго, неблагонадежнаго съ ихъ точки зрѣнія. Но онъ съ честью вышелъ изъ этого труднаго положенія, завоевалъ себѣ уваженіе гласныхъ, и ни разу не далъ администраціи повода быть имъ недовольною, но и не скромничалъ передъ нею, какъ это часто случается съ временно исполняющими тѣ или другія обязанности. Подъ его руководствомъ работа закипѣла, образовались комиссіи, организовалась городская управа сперва въ составѣ 4 членовъ, въ числѣ которыхъ былъ П. Н. Грековъ, долгое время потомъ предсѣдательствовавшій въ столичномъ мировомъ съѣздѣ, и Стрельманъ—популярный впоследствии секретарь городской думы. Работа была громадная, организаціонная прежде всего, ибо все что существовало при прежнемъ, словесномъ строѣ подлежало переустройству на новыхъ началахъ, а затѣмъ и созидательная, такъ какъ многія отрасли гор. хозяйства—квартирная новизна для войскъ, отдѣлъ частныхъ построекъ, водопроводъ и пр.—перешли изъ рукъ администраціи въ исключительное вѣдѣніе города. На мою долю выпала задача дѣлопроизводителя финансовой комиссіи, т.-е. я велъ журналъ засѣданій комиссіи, а затѣмъ редактировалъ доклады. Эта работа очень пригодилась мнѣ въ будущемъ.

Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что городская дума вмѣщала въ себѣ въ это время лучшія общественныя силы Москвы. По численности большинство состояло изъ купечества, но какъ оно, такъ и всѣ прочіе сословные элементы, входившіе въ ея составъ, были одинаково одушевлены искреннею преданностью къ городскому дѣлу, сознаниемъ цѣнности и смысла предлагаемыхъ ей задачъ. Не было въ ней ни сословной, ни партійной розни, не было перевѣса обывательскихъ интересовъ надъ общегородскими, общественными. Само собою разумѣется, что въ такомъ отношеніи къ задачамъ, къ которымъ гласные были призваны, извѣстную роль играло увлеченіе ихъ новизной, которая какъ извѣстно имѣетъ даже для самыхъ серьезныхъ и уравновѣшенныхъ людей свою прелесть, увлеченіе демократизаціей. такъ сказать, этихъ задачъ, сдѣланіемъ ихъ общими для всѣхъ безъ какого-либо различія.

Безспорно первое мѣсто среди гласныхъ принадлежало Ю. Ф. Самарину. И не встрѣчалъ другого человѣка, который вмѣщалъ-бы въ себѣ въ равной съ нимъ степени столько качествъ, достоинствъ, дарованій. За что-бы онъ ни брался, о чемъ-бы ни говорилъ—въ простой бесѣдѣ или публичныхъ преніяхъ—съ чѣмъ-бы ни

выступалъ въ печати—въ статьяхъ о вопросахъ дня или въ крупныхъ трудахъ, богословскихъ, философскихъ, политическихъ, на всемъ отпечатывались его обширный умъ, его самородный талантъ, его всесторонняя культура. Въ городской думѣ, какъ одновременно и въ губернскомъ земствѣ, для него ничего не было такого, что не заслуживало его вниманія или что было ему недоступно, и нельзя перечислить ту массу дѣлъ, вопросовъ, задачъ, которые были имъ разработаны, освѣщены, движуты, иртомъ такъ прочно и разумно, что когда 24 года послѣ его кончины я вступилъ въ должность городского головы, я нашелъ многое, что было первоначально заложено и выработано Самаринимъ. А къ этому надо прибавить образцовый ораторскій талантъ, умѣние освѣтить со всѣхъ сторонъ любой предметъ, и для сего подобрать надлежащее выраженіе или слово, мягкость и добропорядочность обращенія. Вотъ о немъ можно смѣло сказать, что его боялись, стѣснялись его импонирующаго ума, и потому его никогда не призывали къ чему-либо крупному, къ какой-либо выдающейся роли въ правительственномъ механизмѣ, а самъ онъ былъ слишкомъ самолюбивъ, слишкомъ хорошо зналъ цѣну себѣ, чтобы пробивать себѣ самому дорогу къ чему-либо такому, что отвѣчало бы его дарованіямъ. Быть-можетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ это самолюбіе обнаруживалось въ немъ чрезмерно, ослѣпляло его, и въ немъ являлась порою нѣкоторая неуступчивость, рѣзкость, но и на солнцѣ есть пятна.

Его братъ Дмитрій Федоровичъ специализировался на учебномъ дѣлѣ, новомъ для городского управленія, которое въ 1873 году основало первыя городскія начальные школы. Организация этого дѣла потребовала отъ него значительной работы, которая была имъ выполнена настолько успѣшно, что заложенное имъ послужило основой на долгое время для учебнаго строительства города. Умный, добросовѣстный, трудолюбивый, въ немъ не было того блеска, тѣхъ чаръ, которыми отличался его старшій братъ, а кромѣ того въ его рѣчахъ, въ его общеніи съ людьми перѣдко слышалось нѣкоторое упрямство или неуступчивость, словно онъ потому высказывалъ или защищалъ явно ошибочное мнѣніе, что не хотѣлъ признаваться въ своей ошибкѣ.

Кн. Щербатовъ не игралъ въ новой думѣ выдающейся роли, въ преніяхъ выступалъ рѣдко и то въ тѣхъ только случаяхъ, когда рѣчь заходила о чемъ-либо относящемся къ тому времени, когда онъ стоялъ во главѣ города. Но онъ оказывалъ пассивное, такъ сказать, воздѣйствіе притижемъ своего городского прошлаго, уваженіемъ къ своимъ заслугамъ и печальный инцидентъ съ нимъ на выборахъ городского головы не повліялъ на его положеніе. Наоборотъ кн. Черкасскій принималъ горячее участіе въ дѣлахъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже руководящее. Многіе гласные, особенно изъ молодежи, поганвались его и уклонялись отъ возраженій ему, ибо въ своихъ рѣчахъ онъ не стѣнялся проявлять нѣкоторую надменность, словно онъ глядѣлъ свысока на возражающихъ ему.

Въ заглѣ думы и въ ея комисіяхъ часто раздавался громовой, зычный голосъ А. И. Кошеленка, этого патриарха славянофиловъ, въ то время уже восьмью преклонныхъ лѣтъ. Помимо его прежнихъ заслугъ по крестьянской реформѣ, по публицистикѣ, онъ обладалъ цѣннымъ даромъ умѣнія выводить молодыхъ людей на подходящую для нихъ дорогу, и сколько дѣятелей, создавшихъ себѣ имя въ земствѣ, въ

преподаваніи, въ экономической работѣ были этимъ обязаны ему, его поддержкѣ, его правильной оцѣнкѣ ихъ способностей.

Изрѣдка выступалъ М. П. Погодинъ, прославившійся своими трудами по русской исторіи, а на старости лѣтъ посвятившій себя публицистикѣ. Было что-то своеобразное въ его фигурѣ—низкого роста, худощавой, всегда небрежно одѣтой, съ растрепанными волосами и всклокоченною, длинною бородой, съ толстой палкой въ рукѣ, которою онъ усердно стучалъ объ полъ во время рѣчи. Онъ любилъ оригинальничать, напускать на себя чудачество и порою казалось, что онъ самъ не вѣритъ въ то, что говоритъ. Такъ, напр., въ одномъ засѣданіи думы, когда шла рѣчь о какихъ-то измѣненіяхъ въ контрактѣ съ газовымъ обществомъ. Погодинъ замѣтилъ, что вовсе не нужно освѣщать городъ, ибо всякій порядочный человѣкъ ночью сидитъ дома, а если какой-нибудь шалопай и спомаетъ себя шено, то это не бѣда. Въ другой разъ во время перерыва засѣданія, сидя за чайнымъ столомъ съ нѣсколькими гласными, онъ высказалъ сожалѣніе о томъ, что мощи самаго чтимаго русскимъ народомъ святого, Николая чудотворца, находятся въ чужбинѣ, и предлагалъ открыть всенародную подписку для покупки ихъ у итальянскаго правительства, благо оно въ то время нуждалась въ деньгахъ, а въ случаѣ неудачи выкрасть ихъ, для чего вступить въ сдѣлку съ Гарибальди.

Глубоко симпатичною личностью былъ А. В. Станкевичъ, другъ Грановскаго и его біографъ. Можно было заслушаться его бесѣдъ, особенно когда онъ касался художественныхъ вопросовъ или когда онъ перебиралъ воспоминанія свои о плеядѣ знаменитостей 40 годовъ, въ составъ которой онъ входилъ. Часто выступалъ профессоръ А. П. Богдановъ, о которомъ я много говорилъ въ моихъ университетскихъ воспоминаніяхъ и который вносилъ въ дѣловыя пренія тотъ-же реальный талантъ, ту-же сердечность, какія проявлялъ онъ въ префессурѣ. Было много мировыхъ судей, сплотившихся въ одну группу, перенесшую въ область городскихъ задачъ ту солидарность, то высокое достоинство, которыми съ первыхъ-же дней своего существованія ознаменовалъ себя московскій мировой институтъ. То были остроумный весельчакъ Багриновскій, Свѣшниковъ, гр. Ланскій, прослужившій гласнымъ думы болѣе 30 лѣтъ и только недавно умершій, С. А. Тарасовъ, бывший впоследствии недолгое время городскимъ головой, И. Н. Сумбулъ, будущій товарищъ головы, и др.—Медицина имѣла своими представителями д-ровъ Кетчеръ, Варвинскаго и А. Г. Левенталя. О первомъ я буду говорить впоследствии. Варвинскій состоялъ профессоромъ университета и онъ пользовался въ Москвѣ широкою популярностію какъ практикантъ. При всѣхъ своихъ качествахъ, въ немъ специалнсть-медикъ заслоняла общественнаго дѣятеля, и это чувствовалось въ его публичныхъ выступленіяхъ. Что касается до А. Г. Левенталя, то я рѣдко встрѣчалъ болѣе трудолюбиваго, точнаго, кропотливаго работника-организатора, какимъ былъ онъ. Можно смѣло сказать, что городъ ему одному обязанъ прочнымъ основаніемъ своей санитарной организаціи, получившей впоследствии такое широкое развитіе. Особенно показалъ онъ себя въ устройствѣ временныхъ госпиталей для больныхъ и раненыхъ воиновъ во время войны 1877—78 гг. Онъ былъ главнымъ врачомъ Павловской больницы, состоявшей въ вѣдомствѣ императрицы Маріи, и по этой службѣ съ нимъ случился инцидентъ, ха-

рактизирующій отношеніе высшихъ правительственныхъ лицъ къ общественнымъ учрежденіямъ. Левенталь былъ гласнымъ московскаго уѣзднаго земскаго собранія и однажды ему поручено было временно исправлять должность председателя уѣздной управы. Изъ Петербурга получается бумага съ выговоромъ ему за то, что состоя на службѣ въ вѣдомствѣ онъ вздумалъ сотрудничать въ учрежденіи враждебномъ правительству и съ требованіемъ немедленнаго его отказа отъ той или другой должности.

Непрерывно выставялъ свою кандидатуру въ городскія головы А. А. Пороховниковъ, крупный предприниматель, строитель Славянскаго базара, Теплыхъ рядовъ и многихъ другихъ большихъ домовъ. Несомнѣнно даровитый, ловкій, предприимчивый, онъ однако не произвелъ впечатлѣнія серьезнаго чловѣка, который заслуживалъ-бы общественнаго довѣрія.

Московское купечество насчитывало въ думѣ крупныхъ, выдающихся представителей. Объ И. А. Ляминѣ я уже говорилъ, и мнѣ остается добавить только, что вся дума единодушно жалѣла, что изъ-за нелѣпой выходки она лишилась такого уважаемаго, самобытнаго и опытнаго презуса.

Накимъ-то особеннымъ изяществомъ выделялся В. М. Бостанжолло. Бѣловолосый, съ бритымъ, довольно смуглымъ лицомъ и черными, пронизывающими глазами, онъ любилъ подчеркивать свою изысканную благовоспитанность въ обращеніи съ другими, въ своихъ, даже самыхъ простыхъ разговорахъ. Нѣсколько желчный и раздражительный, онъ превосходно умѣлъ держать себя въ рукахъ, и свои рѣчи облачалъ въ такую равновѣшенную и въ то же время изящную, элегантную форму, что возраженія ему само собою терли всякую остроту. Онъ пользовался громаднымъ авторитетомъ въ средѣ купечества, коего онъ много лѣтъ былъ сословнымъ старшиной, но его боялись, и даже ровесники его обращались съ нимъ съ нѣкоторымъ подобострастіемъ, а болѣе молодые старались подражать ему въ элегантности и изяществѣ внѣшнихъ формъ обращенія.—Такимъ-же изяществомъ отличался В. И. Якуничковъ, не безъ основанія славившійся англоманомъ. Онъ принималъ живое участіе въ городскихъ дѣлахъ, и въ преніяхъ всегда старался выставить примѣры западно-европейскихъ городовъ, какъ заслуживающіе слѣпого подражанія Москвой. Еще болѣе участія въ нихъ обнаруживалъ С. М. Третьяковъ, умный, широко образованный, и прекрасной души чловѣкъ. О немъ придется мнѣ еще говорить далѣе. Интересенъ былъ С. Д. Ширяевъ, уже достигшій весьма преклонныхъ лѣтъ. Во время нестигласной думы онъ былъ городскимъ головой, и у него былъ неисчерпаемый запасъ анекдотовъ о той, представившейся для насъ, молодыхъ, сказочною, эпохѣ гр. Закревскаго, коронаціи 1856 г. и пр. Добродушный, и гуманный В. Д. Аксеновъ специализировалъ себя на всякихъ благотворительныхъ и филантропическихъ начинаніяхъ города, и было что-то картинное въ его рѣчи произносимой пѣжнымъ, почти ребяческимъ голосомъ, во всей его фигурѣ, худой какъ скелетъ, съ мертвенно-блѣднымъ лицомъ и длинною, тонкою бородой.—Братья Бахрушины, въ то время еще сравнительно молодые, равно и М. И. Ляминъ, тоже полный свѣжихъ силъ, начинали уже благотворительную дѣятельность, получившую затѣмъ такое широкое развитіе. К. Т. Солдатенковъ никогда не выступалъ въ публичныхъ засѣданіяхъ, но зато въ комиссіяхъ много работалъ, а еще болѣе разговаривалъ въ отдѣльныхъ

группахъ гласныхъ, когда во время перерыва они собирались вокругъ чайныхъ столовъ. Удивительнымъ собесѣдникомъ онъ былъ, а вмѣстѣ съ этимъ онъ превосходно умѣлъ сплавивать вокругъ себя молодые таланты, или уже созрѣвшіе, успѣвшіе составить себѣ имя въ наукѣ, поддерживалъ ихъ пздатіемъ ихъ трудовъ; художники, литераторы, ученые часто собирались у него въ домѣ, на Мясницкой и эти вечернія бесѣды пользовались большою славой. Недаромъ называли его Меценатомъ. Въ противоположность ему кажется не было ни одного засѣданія думы, въ которомъ не раздавалась рѣчь, и притомъ всегда очень длинная, И. П. Ланна. Неглуный отъ природы, онъ былъ мало образованъ, но считалъ нужнымъ высказать свое мнѣніе о каждомъ докладѣ, и въ его рѣчи такъ и сыпались иностранныя слова кстатп и некстатп, причемъ онъ иногда не сдерживался, дѣлался заносчивымъ, и не разъ имъ вызывались болѣе или менѣе крупные инциденты съ предсѣдательствовавшимъ и съ другими гласными. Наоборотъ всегда невозмутимо спокойно, умѣренно говорилъ М. А. Горбовъ, известный въ то время предприниматель въ области желѣзнодорожнаго строительства. Это былъ человекъ недюжиннаго ума, стойкій въ своихъ мнѣніяхъ, но въ средѣ купчества онъ стоялъ какъ-то особнякомъ, ни съ кѣмъ въ немъ не было близокъ, и замѣтно было что его не то боялись, не то ему не доверяли, но въ дѣлахъ прислушивались къ его словамъ, всегда вѣскамъ.

Остается мнѣ упомянуть еще о двухъ Щепкиныхъ, двоюродныхъ братьяхъ. Николай Михайловичъ, сынъ знаменитаго артиста, состоялъ мировымъ судьей, а издумъ онъ дѣлательно занимался школьнымъ дѣломъ, являясь въ немъ драгоценнымъ помощникомъ Д. Самарина, который, какъ я уже сказалъ взялъ на себя главное руководство имъ. Симпатичный человекъ, онъ влагалъ въ это дѣло много сердечности, не безъ участія въ этомъ его супруги, рожденной Станкевичъ, которая была первою попечительницей первой открытой въ городѣ женской начальной школы.—Другой Щепкинъ, Митрофанъ, сравнительно недавно скончавшійся, занялъ при образованіи новой думы мѣсто городского секретаря. Незадолго передъ тѣмъ его уволили за политическую неблагонадежность съ профессорской кафедры въ Петровской Академіи. Послѣдователь Грановскаго, Станкевича и ихъ друзей, онъ былъ широко культурнымъ человекомъ, либераломъ въ душѣ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, но нѣкоторая жесткость характера особенно чувствовалась въ его секретарской роли, въ его дѣловыхъ сношеніяхъ съ гласными и публикой. Тѣмъ не менѣе его вліяніе на ходъ городскихъ дѣлъ было огромное и во многихъ случаяхъ весьма благотворное. Кромѣ того онъ обладалъ превосходнымъ редакторскимъ талантомъ и его доклады долго потомъ служили образцами для послѣдующаго представителя въ лицѣ Ф. Н. Плевако, который еще только начиналъ свою дѣятельность, но чье имя уже прославилось благодаря нѣсколькимъ громкимъ процессамъ, въ особенности-жо дѣлу знаменитой игуменьи Митрофаніи. Было что-то живописное въ его паружности, въ его «нородческомъ» лицѣ съ сіяющими глазами, широкою, не сходявшею съ губъ улыбкой, съ выдающимися скулами. Онъ не имѣлъ соперника въ ораторскомъ искусствѣ, въ умѣніи освѣщать объектъ своей рѣчи, подобрать наиболѣе подходящія и въ то-же время цвѣтистыя выраженія, и замѣчательно было то, что его рѣчи въ думѣ по какому нибудь самому заурядному докладу звучали советамъ шимъ тономъ чѣмъ

его защитительная рѣчь въ судѣ, т.-е. въ думѣ онъ говорилъ не какъ адвокатъ, а какъ искренній, прямодушный и знающій общественный дѣятель, но тѣ и другія рѣчи были одинаково образцовыми. Соперниковъ не было у него и въ читальныхъ кружкахъ, за застольною бесѣдой и это былъ настоящій фейерверкъ остротъ, шутокъ и блестящихъ монологовъ. А между тѣмъ рядъ городскихъ дѣлъ былъ имъ разрабатанъ, и притомъ дѣла крупныхъ, направленныхъ имъ на долгое время, какъ напр. организаціи юрисконсультской части, торговаго надзора и др.

Вызывая эти тѣни далекаго прошлаго, мнѣ представляется, что изъ всей этой многочисленной коллегіи городскихъ дѣятелей чуть-ли не одинъ я остался доживать свой вѣкъ на блѣдомъ свѣтѣ.

X.

Послѣ ухода Лямина городская дума не рѣшилась производить тотчасъ-же новыхъ выборовъ головы, а отложила ихъ до осени, поручивъ невращеніе должности С. А. Ладыженскому, который, какъ я уже сказалъ, успѣшно справился съ этою трудною задачей. Генералъ-губернаторъ кн. Долгоруковъ весьма благонадежно къ нему относился и къ тому-же всѣми силами старался сгладить неприятное впечатлѣніе, какое получили гласные и всѣ вообще городскіе общественные круги отъ выходки Дурново и удаленія Лямина. Осенью заговорили было о кандидатурѣ В. М. Бостанжогло, но повидимому самъ онъ не очень-то желалъ ея, какъ вдругъ для всѣхъ довольно неожиданно выставилась кандидатура Д. Д. Шумахера, отъ котораго получилось согласіе, и онъ былъ избранъ головой впрочемъ не очень единодушно. Дума раскололась на двѣ половины, сторонниковъ его и противниковъ, и такъ это раздѣленіе продолжалось въ теченіи всего 3-хъ лѣтняго его пребыванія на этомъ посту. Прекрасный работникъ, знатокъ дѣла, особенно финансовыхъ его отраслей, способный цѣлымъ починъ сидѣть за работой, аккуратно и добросовѣстно входя во всѣ мельчайшія ея подробности, онъ не имѣлъ, однако, широкатога взгляда на свои задачи, относился къ своей роли во главѣ городского хозяйства, уже и тогда немалосложнаго, точно такъ-же какъ относился прежде къ своимъ обязанностямъ управляющаго Сохранною Казной и директора частнаго банка. Вся дѣятельность его какъ городского головы, его представительство городской общины, ея интересовъ и задачъ, при всей своей добросовѣстности и точности, окрасивалась чѣмъ-то чипованнымъ, не достаточно самобытнымъ, особенно выступавшая при сопоставленіи его съ засѣдавшими въ думѣ такими крупными величинами какими были Ю. Самаринъ, Черкасскій, Третьяковъ, Горбовъ и др.—И съ Ладыженскимъ, оставшимся при немъ въ званіи товарища головы, казалось у него не ладилось, не было у нихъ взаимнаго довѣрія и сплоченности. И мы, гласные, часто слышали и часто подмѣчали, что въ управѣ чувствуются широкоты и тренія. Общественное мнѣніе не очень-то его одобряло, и перѣдко приходилось слышать сѣтованія на то, что дума призвала стать во главѣ города пѣмца и лютеранина. Тѣмъ не менѣе надо было признать, что въ исполненіи своего служебнаго долга онъ стоялъ на надлежащей высотѣ, по его почину много организаціонныхъ задачъ было разрѣшено и авторитетность его во многихъ случаяхъ давала себя чувствовать.

Такъ продолжалось въ теченіи трехъ лѣтъ, послѣ чего произошло событіе, всколыхнувшее всю Москву и отразившееся на городскомъ управленіи. Въ числѣ банковъ, незадолго передъ тѣмъ учрежденныхъ по инициативѣ частныхъ лицъ, былъ такъ называемый Ссудный банкъ, почему-то полюбившійся разнымъ пѣмещамъ аферистамъ и проходивцамъ. Однимъ изъ основателей его былъ городской голова Шумахеръ, который поставилъ директоромъ его своего друга, гласнаго думы Поляпскаго, о которомъ я уже упоминалъ. Онъ допустилъ вторженіе въ банкъ пѣмецкихъ элементовъ, въ качествѣ какъ распорядителей, такъ и кліентовъ, и притомъ я не могу не отмѣтить, что какъ только эти элементы проникаютъ въ какую-либо нашу русскую средѣ или коллективность — будь это коммерческое предпріятіе, ученая кооперация или семья даже стоящая на самой вершинѣ общественной іерархіи — какъ является зло-вредное вліяніе или послѣдствіе, и пѣмецъ или пѣмка для насъ, русскихъ, всегда играетъ роль патогеннаго микроба. Такъ было и въ данномъ случаѣ: появился въ Москвѣ илькій Струнбергъ, прогорѣвшій на роднѣ своей, Пруссіи, предприниматель и оказавшійся выгнаннымъ оттуда, я съ помощью двухъ-трехъ клеветовъ своихъ той-же національности, которые подъ его крылышкомъ проникли въ Ссудный банкъ, получили изъ него крупныя суммы подъ залогъ негодныхъ бумагъ, и банкъ лопнулъ, разоривъ толпу вкладчиковъ. Впечатлѣніе получилось потрясающее, началось слѣдствіе, пѣмцы были взяты подъ стражу, равно какъ и Поляпскій, нѣкоторые члены совѣта банка и въ томъ числѣ городской голова. Нечего говорить, что это событіе дало протѣжникамъ общественнаго самоуправленія удобный и благодарный поводъ обвинять самый строй его, высказывать обычные фразы о неподготовленности городского общества къ такому управленію и о необходимости вернуться къ старымъ порядкамъ.

Слѣдствіе по этому дѣлу тянулось цѣлый годъ, пока Москва не увидѣла небывалаго еще зрѣлища, именно зрѣлища. Въ теченіи двухнедѣльнаго судебнаго разбирательства публика толпами валила въ Екатерининскую залу судебныхъ установленій, какъ въ театръ. Все дѣло обставлено было какъ нельзя болѣе торжественно, председательствовалъ Дейеръ, типичный представитель новѣйшей магистратуры, сухой, невозмутимо спокойный, строгій блюститель вѣчныхъ формъ и порядковъ судопроизводства. Обвинялъ Обинскій, а къ защитѣ призваны были лучшія силы адвокатуры — Плевако, Шайкевичъ, Куриловъ и др. За рѣшеткой сидѣли подъ охраной полицейскихъ чинювъ Поляпскій, Струнбергъ и еще два или три пѣмца, а на особой скамьѣ, но безъ стражи члены совѣта, въ числѣ которыхъ были многіе, весьма извѣстные и уважаемые москвичи. Первые трое были обвинены и приговорены къ ссылкѣ, причемъ главный виновникъ всего происшедшаго Струнбергъ ѣхалъ за границу, остальные-же оправданы, и всѣ они вернулись къ своимъ мѣстамъ, конечно за исключеніемъ Шумахера. Кстати замѣчу, что когда случился крахъ банка и цѣлая масса мелкихъ вкладчиковъ очутилась въ самомъ критическомъ положеніи, министръ финансовъ Рейтернъ открылъ значительныхъ размѣровъ кредитъ генералъ-губернатору кн. Долгорукову на вспомошествованія наиболѣе нуждающихся, и князь выноснилъ это удачно и такъ тайно, что кромѣ пользовавшихся эту помощь никто объ этомъ въ Москвѣ не зналъ, и мнѣ это стало извѣстно гораздо позднѣе и то случайно.

Послѣ удаленія Шумахера городская дума рѣшила отложить выборы городского головы на цѣлый годъ, такъ-какъ насталъ срокъ общихъ выборовъ, и Ладыженскому пришлось вновь исполнять должность и произвести эти выборы. Но прежде чѣмъ разойтись дума старого состава проявила себя политической и волеизъявительною манифестацией. Это было осенью 1876 года, а въ теченіи лѣта гремѣла сербская война. Въ симпатіи, патріотическія, національныя и либеральныя были на сторонѣ славянъ, имя Черняева и многихъ русскихъ добровольцевъ, павшихъ за освобожденіе этихъ славянъ, были у всѣхъ на устахъ, и славянофильскія теченія и идеалы, такъ еще недавно считавшіяся опасными или неблагоразумными, разомъ сдѣлались популярными. Когда неудачи сербамъ убѣдили въ невозможности ихъ победы, московское общество извоновало, и потѣ однажды, передъ началомъ одного засѣданія Думы Д. Самаринъ позвать гласныхъ на частное собраніе въ особую комнату, гдѣ очутился не состоявшій гласнымъ П. С. Аксаковъ. Самаринъ въ пространной рѣчи заявилъ, что по инициативѣ его и нѣкоторыхъ его друзей наступила минута потребовать отъ правительства активнаго заступничества за братьевъ-славянъ—это выраженіе пошло тогда въ ходъ—словомъ или оружіемъ, и что требованіе такое всего лучше было-бы облечь въ форму адреса государю. Вслѣдъ за этимъ Аксаковъ вынулъ изъ кармана не пустой проесть адреса, а самый адресъ уже переписанный на-бѣло. Гласные ничего не возразили и въ повышенномъ настроеніи перешли въ залу засѣданія, гдѣ адресъ былъ единогласно одобренъ и тутъ-же подписанъ. Государь его не принялъ, но черезъ дѣль недѣлю послѣ того, пріѣхавъ въ Москву изъ Крыма, во время выхода въ Кремлевскомъ дворцѣ, онъ неожиданно для всѣхъ остановился передъ Ладыженскимъ, стоявшимъ съ хлѣбомъ солью во главѣ гласныхъ, и сказалъ историческую рѣчь, послужившую исходнымъ моментомъ Турецкой войны. Москва всколыхнулась отъ этой рѣчи, и она не постыдилась на разнаго рода внешнннхъ манифестацій. Во время этого царскаго пребыванія въ Москвѣ замѣтно было ухаживаніе за москвичами, даже заискиваніе какъ со стороны самого государя и его супруги, такъ еще болѣе со стороны его приближенныхъ. Проявилось оно между прочимъ въ демонстративныхъ любезностяхъ къ Черкасскому, такъ долго ссыльному неблагонадежному и несправивимому оппонентомъ правительству, и въ приглашеніи его стать во главѣ краснаго креста на театрѣ войны, подѣ чѣмъ скрывалось тайное, но для всѣхъ очевидное намѣреніе поручить ему организацію славянскихъ народовъ, имѣющихъ быть освобожденными. Затѣмъ въ этихъ любезностяхъ играло роль желаніе возбудить щедрость Москвы, вызвать пожертвованія на военныя нужды, ибо она всегда считалась богатымъ источникомъ средствъ, и щедрость ея обратилась въ послоніцу. И въ этомъ случаѣ она вполне оправдала свою славу.

Фактически война началась весной слѣдующаго 1877 года, а вся зима прошла въ приготовленіяхъ къ пей, проходившихъ при всеобщемъ возбужденіи. Но оно по отразилось на городскихъ выборахъ: имѣло мѣсто одно явленіе, которое ранѣе не было извѣстно, а именно соревнованіе, если даже не борьба, партій. Восторжествовала купеческая партія, пустившая въ ходъ всякаго рода избирательныя приемы и маневры, такъ-какъ она располагала абсолютнымъ большинствомъ избирателей—домовладѣльцевъ. въ думѣ появились новыя лица изъ молодыхъ и новичковъ въ городскомъ дѣлѣ,

а многіе изъ прежнихъ гласныхъ остались за флагомъ. Изъ числа новыхъ назову А. А. Шилова, на первыхъ-же порахъ зарекомендовавшаго себя образцовымъ работникомъ, перѣдко рѣзкимъ въ своихъ выступленияхъ. П. М. Калашникова, скоро сдѣлавшагося настоящимъ enfant terrible въ комиссіяхъ и перѣдко въ самой думѣ, благодаря своей неудержимой пылкости, и П. В. Осипова, типичнаго представителя московскаго купечества новой формаціи, умнаго, самобытнаго, всѣ рѣчи котораго звучали здравымъ смысломъ и практическимъ знаніемъ жизни.

Изъ интеллигенціи—впрочемъ слово это тогда не было въ такомъ ходу какъ впоследствии—избранъ былъ Н. П. Гиляровъ-Платоновъ, редакторъ популярной газеты и извѣстный своимъ учеными трудами. Это была внушительная личность, не безъ отбѣнка семинарскаго происхожденія, рѣчи его звучали авторитетностью и перѣдко подходили на проповѣди. Про него говорили, что онъ не умѣлъ улыбаться, и это въ извѣстной степени характеризовало его. Въ составъ гласныхъ вошли два сѣтища медицины—М. П. Черниковъ и А. Н. Маклаковъ. Оба много поработали для города, первый вносилъ въ свою работу особаго рода твердость, неуступчивость порою пѣсколызую грубую, второй-же, жгвой и веселый, привлекалъ къ себѣ всѣхъ, съ кѣмъ имѣлъ какое-либо дѣло.—Уступивъ такимъ образомъ пѣсколызую мѣсть интеллигенціи, изъ конхъ одно выпало и на мою долю, восторжествовавшая на выборахъ партія позаботилась объ обезпеченіи себѣ изъ думъ членскаго большинства, способнаго голосовать согласно указаніямъ руководителей, причемъ активнаго участія отъ него не требовалось, почему онъ и названы были гласными безгласными. Городескимъ головою избранъ былъ С. М. Третьяковъ и можно сказать, что лучшаго выбора сдѣлать нельзя было. Умный; культурно-образованный, обладавшій прекраснымъ, но очень твердымъ характеромъ, онъ умѣлъ какъ нельзя лучше покорять сердца, одушевлять своихъ сотрудниковъ и еотоварищей, внушать имъ любовь и преданность къ дѣлу, которое самъ онъ безразлично любилъ и которое зналъ до мельчайшихъ подробностей. Въ три года своей службы головою не дума только, но и вся Москва ощутила въ немъ настоящаго своего представителя, стоявшаго на высотѣ возложенной на него задачи. Надо же было, чтобы какая-то темная подпольная интрига, привязавшаяся къ безхозяйственной эксплуатаціи Сокольниковой рощи, только-что передъ тѣмъ благодаря Третьякову перешедшей въ собственность города, заставила его отказаться отъ должности, которую онъ съ такою честью занималъ. Быть можетъ, въ этомъ уходѣ своемъ онъ обнаружилъ излишнюю обидчивость, но не мнѣ объ этомъ судить.

Третьякову удалось собрать при управѣ и воспитать цѣлый рядъ молодыхъ дѣтелей—спеціалистовъ, инженеровъ, архитекторовъ, врачей, изъ которыхъ многіе заслужили громкое имя въ городскихъ дѣлописяхъ и продолжали свою службу еще и въ то время, когда я призванъ былъ служить съ ними. Назову Левачева, Зимица, Семенова—досель Москвою не забытыхъ.

XI.

Первый годъ третьяковскаго періода ознаменовался тѣмъ, что всѣ собственно городскіе интересы и вопросы отодвинуты были на второй планъ военными заботами. Лишь только въ апрѣлѣ 1877 года объявлена была война, дума постановила, помимо

пожертвованія одного милліона на военныя нужды, приспособить тысячу коекъ для раненыхъ и больныхъ. Открыто было нѣсколько временныхъ госпиталей въ разныхъ частяхъ города, и для завѣдыванія ими учреждена была особая исполнительная комитетъ, въ которую и я вошелъ, взявъ на себя Лефортовскій госпиталь, помѣщавшійся въ зданіи общины «Утѣла моя печали», нынѣ принадлежащемъ городу. Сложное оборудованіе всей этой организаціи, совершавшееся чрезвычайно быстро и настолько успѣшно, что эти городскіе госпитали не замедлили послужить образцами для подобныхъ-же учрежденій Краснаго креста, составляетъ всецѣло заслугу Третьякова, не жалѣвшаго себя въ этомъ дѣлѣ, А. Г. Левенталя, который председательствовалъ въ нашей комитетъ, и который мастерски провелъ всю черную работу по устройству госпиталей, и ближайшаго ихъ помощника Макакова.

Надо сказать и о самой войнѣ и о томъ, какъ Москва на нее реагировала. Вѣдѣніе того, что вопросъ о войнѣ рѣшенъ былъ въ октябрѣ, а фактически началась она только въ апрѣлѣ, то эти пять мѣсяцевъ напряженныхъ ожиданій и тревогъ возбудили нѣкоторую нервность въ общественномъ мнѣніи, оно впадо въ недоумѣніе насчетъ продолжительнаго бездѣйствія дѣйствующихъ армій и часто слышались опасенія, ужъ не готовимся-ли мы обратиться вспять въ своихъ освободительныхъ замыслахъ. Когда-же война началась, подобное-же недоумѣніе высказывалось насчетъ того, что такъ мѣшкаятъ съ переходомъ за Дунай, что вовсе не отвѣчало увѣреніямъ многихъ военныхъ въ томъ, что этотъ переходъ и вообще вся война до взятія Константинополя включительно будетъ простою военною прогулкой *). Само собою разумѣется, что это первичное ил на мигу не поколебало общей увѣренности въ побѣду, и въ то-же время фактическое начало войны и эти ожиданія побѣды вызвали необычайный подъемъ духа во всѣхъ слояхъ населенія. Прежде всего такое повышенное настроеніе выразилось въ глубокомъ, единодушномъ сочувствіи къ славянскимъ народностямъ, которыя до этого мало привлекали на себя вниманіе широкихъ круговъ общества, и освобожденіе которыхъ казалось имъ болѣе или менѣе утопической мечтой небольшого кружка мыслителей и публицистовъ-славянофиловъ. Затѣмъ впервые русскому обществу пришлось на практикѣ сущест्वить международную программу помощи жертвамъ войны подъ флагомъ Краснаго креста, и нельзя не подчеркнуть, что русское общество, и въ частности московское, въ этомъ себя показало. Много было пожертвованій денежныхъ и вещевыхъ, много положено было труда—заботливости, и человѣколюбія въ оказаніи помощи пострадавшимъ, почти ежедневно привозимымъ въ Москву, гдѣ создавался какъ-то само собою центральныи пунктъ всей дѣятельности Краснаго креста. По примѣру города и по его образцу частная инициатива соорудила большое количество госпиталей, врачевный персоналъ былъ въ избыткѣ, множество женщинъ брали на себя обязанности сестеръ милосердія и сидѣлокъ. Правда, въ этой интенсивной, самоотверженной работѣ было много неумѣлаго, дѣтскаго, и мнѣ самому приходилось нѣрѣдко видѣть въ моемъ гос-

*) Подобно тому, какъ въ 1904 г. въ началѣ войны намъ говорили, что мы «раскатаемъ» японцевъ и миръ подпишемъ въ Tokyo.

заставъ какъ неловко обращались эти барыни и барышни съ ранеными и улаживать ихъ конфликты съ врачами, не встрѣчавшими въ нихъ подлежащаго умѣнія.

Векорѣ послѣдовали военныя неудачи, сначала на Кавказѣ, затѣмъ при первой Плевнѣ и на первомъ походѣ за Балканы. Общественное мнѣніе было нѣсколько смущено, оно стало замалчивать неудачи, умалывать ихъ значеніе, относить причину ихъ къ разнаго рода случайностямъ, и такой пріемъ повидимому присущъ вообще нашимъ сужденіямъ о событіяхъ военной исторіи Россіи. Изъ особаго патріотизма недопускающимъ мысли о возможности нашего пораженія и легко перетолковывающимъ таковыя въ побѣды или въ крайнемъ случаѣ въ героическіе подвиги. Такое отношеніе еще болѣе усилилось при 2-й и 3-й Плевнѣ, и конечный успѣхъ войны, воспомѣдовавшій въ концѣ года и началѣ слѣдующаго, не изгладилъ первоначальныхъ впечатлѣній, и въ то-же время всѣ недоумѣвали насчетъ того, почему пришлось отказаться отъ вступленія въ Цариградъ. Все это вмѣстѣ взятое постепенно расхоложивало общее настроеніе. А къ этому надо присоединить еще одинъ поводъ къ недоумѣнію, которое въ нѣкоторыхъ кругахъ высказывалось безъ всякаго стѣсненія: освобожденная русскою кровью Болгарія была нами благодарственована конституціоннымъ строемъ правленія. А мы-то сами, не заслужили-ли его? На такой вопросъ отвѣтъ ни откуда не получался, ибо еще и въ то время самое слово конституція звучало для многихъ чѣмъ-то еретическимъ, чуть не революціоннымъ.

Между тѣмъ въ общественномъ мнѣніи совершался замѣтный для сколько нибудь внимательнаго наблюдателя процессъ, который можно назвать переоцѣнкой цѣнностей, хотя такой терминъ не былъ тогда въ такомъ употребленіи, какъ нынѣ. Война не принесла тѣхъ плодовъ, на которые надѣялись, вскрылись многіе дефекты какъ въ военномъ дѣлѣ, такъ и въ государственномъ строѣ, а къ этому надо еще присоединить то униженіе, которое выпало на долю Россіи на Берлинскомъ конгрессѣ. Краснорѣчивымъ показателемъ новыхъ вѣяній въ московскихъ общественныхъ кругахъ служить то единодушное собогдѣзнованіе и сочувствіе, какія вызвали къ себѣ Аксаковъ, высланный административнымъ порядкомъ изъ Москвы въ деревню за рѣчь въ одномъ собраніи, въ которой онъ сказалъ, что дипломаты наши на конгрессѣ надѣли на Россію «дурацкій колымакъ съ погремушками». Затѣмъ нельзя было не видѣть нѣкоторой связи между этимъ настроеніемъ общества, которое можно назвать разочарованіемъ, недовольствомъ, отрицательнымъ отношеніемъ къ совершающемуся, съ тѣми террористическими актами, которые тотчасъ послѣ окончанія войны такъ участились. Хотя акты эти возбуждали въ обществѣ единодушное негодованіе, но оно понимало, что причины ихъ, восточки или поводы кроются гораздо глубже, чѣмъ это казалось съ перваго взгляда и что подугъ заразившій организмъ и проявившійся въ этихъ преступныхъ дѣяніяхъ, не поддается пѣтвенію однимъ полицейскимъ мѣрами. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, эти мѣры, направленные на борьбу съ злоумышленниками, тяжело отразились на жизни всего общества, т. е. на людяхъ вовсе не причастныхъ къ преступнымъ дѣяніямъ. Задуманы были и привнесены въ исполненіе всякаго рода стѣсненія обывателей, домовладѣльцевъ, ихъ дворниковъ, и мало по малу вводился тотъ строй городской жизни, который впоследствии такъ развился подъ наименованіемъ охраны усиленной, чрезвычайной и др.

Нѣкоторыя мѣропріятія въ этомъ направленіи вызывали довольно комичныя инциденты. Такъ напр. передъ 19 февраля 1880 г., когда должно было праздноваться 25-лѣтіе царствованія Александра II, московская полиція нарядила особую комиссію для осмотра Успенскаго собора, подъ которымъ будто-бы подведенъ былъ подклетъ съ цѣлью взорвать на воздухъ столичныхъ властей во время торжественнаго богослуженія. Далѣе, когда послѣдовало убійство Мезенцева на улицѣ, затѣмъ покушеніе на жизнь государя на улицѣ-же, сдѣлано было распоряженіе, чтобы начальствующія лица въ городахъ выѣзжали не иначе, какъ въ сопровожденіи конвоя. Въ Москвѣ кн. Долгоруковъ и генералъ Козловъ съ негодованіемъ отвергли эту свиту, но другіе восновновались такимъ распоряженіемъ, и вотъ однажды, возвращаясь вечеромъ изъ англійскаго клуба, я встрѣчаю жандармскаго генерала С. Тучаго въ клубѣ въ каретѣ, за которою длинною рысцей трислесь на неуклюжихъ лошадяхъ два жандарма. Такого!

Трудно изобразить теперь то потрясающее впечатлѣніе, какое произвела на всю Москву катастрофа 1-го марта 1881-го года. Вѣсть эта долетѣла вечеромъ въ тотъ-же день, но сообщалась она лишь на слѣдующее утро черезъ особые объявленія. Москва обомлѣла, даромъ, что она за истекшія 2½ года привыкла къ вѣстямъ о террористическихъ актахъ, и когда миновала ужасъ отъ перваго впечатлѣнія, всѣ наперерывъ стали искать виновниковъ совершившагося, какъ въ тѣхъ, кто это совершилъ или пушлякъ, такъ и въ тѣхъ, кто не сумѣлъ сберечь и охранить жертву, но никому въ голову не приходило спросить себя—самъ онъ не виноватъ-ли косвенно въ происшествіи этой криви и въ томъ, что подготовило и вызвало это необычайное событіе. Мысль объ этой общей виновности и ответственности превосходно высказалъ и развилъ митрополитъ Макарій Булгаковъ въ проповѣди сказанной имъ въ Успенскомъ соборѣ за торжественною обѣдней вскорѣ послѣ кончины Александра II.

Въ послѣдніе мѣсяцы того-же 1881 года въ первый разъ въ Москвѣ пріѣхалъ Александръ III. Несмотря на глухое время года, въ день выхода въ западъ Кремлевскаго дворца собрался довольно много народа. Когда онъ проходилъ мимо стоявшей шпалерами лубрики, многіе невольно сопоставляли втайнѣ про себя его знакомую лишь по портретамъ фигуру тучнаго генерала съ изящнымъ, благороднымъ, утонченно идеальскимъ образомъ покойнаго его родителя и не видѣли въ ней того обаянія, той царственности, которыя такъ и сіяли въ немъ и которыя такъ хорошо всѣ помнили. Упоминаю я объ этомъ первомъ появленіи въ Москвѣ новаго царя еще и потому, что незадолго передъ этимъ организовался московскій отдѣлъ такъ называемой «священной дружины», о которой въ послѣднее время много сообщено было въ печати^{*)}. Однажды одинъ мой старый знакомый, не имѣвшій никакихъ опредѣленныхъ занятій, предложилъ мнѣ вступитъ въ ея ряды, вкратцѣ ознакомивъ меня съ ея задачей и назвавъ мнѣ нѣсколько именъ изъ числа извѣстныхъ мнѣ людей. Я пострѣлъ отказався, мотивируя это тѣмъ, что не чувствую никакой склонности къ тайнымъ обществамъ, какими-бы хорошими цѣлями они не задавались, а тѣмъ болѣе къ такому, которое въ сущности является воспомощающимъ по отношенію къ полиціи. Если

^{*)} См. В. Н. Смѣльскій—«Священная дружина» (изъ дневника ея члена), «Гол. Минувшаго» 1916 г., № 1—6.

охранять особу царя — долъ каждого гражданина, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что онъ обязанъ брать на себя обязанность сыщика, доносителя и пр. Разговоръ нашъ на этомъ кончился, но впоследствии я узналъ, что мой отказъ поставленъ быть мнѣ въ вину и повліялъ на дальнѣйшую мою службу. Неизвѣстно, что во всей этой затѣ было болѣе изумительно: то-ли что люди во всѣхъ отношеніяхъ почтенные, заслужившіе всеобщее уваженіе, добровольно взяли на себя роль полиціантовъ со всеми ея, далеко не всегда красивыми атрибутами, или то, что тѣ-же люди находили въ этомъ извѣстнаго рода удовлетвореніе, словно дѣти взявши въ руки новую игрушку. Дружина присутствовала лишь одинъ годъ, и какъ только гр. Д. А. Толстой занялъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ, такъ и слѣдъ ея протѣлъ.

ХІІ.

Мнѣ пришлось нѣсколько забѣжать впередъ, дабы не прервать свое повествованіе о томъ, что связывалось съ событіемъ 1-го марта 1881 года. Приходится ненадолго возвратиться назадъ и вкратцѣ изложить послѣднюю страницу лѣтописи нашего городского управленія, лично меня касающуюся.

Въ концѣ 1880 г. происходили очередные выборы гласныхъ. На этотъ разъ выборная агитація обозначалась еще болѣе рѣзко, чѣмъ на предыдущихъ выборахъ, получивъ не столько партійную, сколько сословную окраску. Дѣло въ томъ, что въ прежнее время мѣщане и пеховые относились къ городскимъ дѣламъ довольно равнодушно, въ выборахъ не принимали массоваго участія и изъ нихъ въ гласные попадали лишь отдѣльныя единицы, не имѣвшія въ думѣ никакой роли. Теперь-же они поднялись дружно, дисциплинировались, что вызвало было нескрываемымъ негодованіемъ ихъ на провозглашеніе крупнаго купечества въ городскомъ управленіи. Въ составъ думы ихъ вошло изрядное число, сколько мнѣ помнится человекъ 40, которымъ тотчасъ-же получила камчатку черной сотни панъ текишцевъ, каковое наименованіе ненадолго передъ тѣмъ пущено было въ ходъ Щедринымъ-Салтыковымъ. Изъ ихъ среды выдѣлились дѣятели, ораторы, весьма охотно выступавшіе съ рѣчами, болѣе или менѣе критическими, и если нельзя было сказать, чтобы они обнаруживали ясное и отчетливое пониманіе городскихъ задачъ, то во всякомъ случаѣ съ ними считаться приходилось, и очень. А главное было то, что ихъ группа была связана строгою дисциплиной, повиновалась своимъ вожакамъ, нынѣ едва-ли кому извѣстнымъ—Щестеркину, Киселеву и др. Съ первыхъ-же дней существованія новаго состава думы ясно было видно, что положеніе Третьякова колебалось, и хотя онъ вновь былъ избранъ городскимъ головой, но уже съ значительнымъ количествомъ черныхъ шаровъ.

Въ составъ обновленной думы вошло нѣсколько новыхъ лицъ, заслуживающихъ вниманія. Первое мѣсто среди нихъ безспорно занималъ С. А. Муромцевъ, красавецъ лицомъ, молодой еще, но успѣвшій уже создать себѣ имя какъ въ адвокатурѣ, такъ и въ профессурѣ, но подробно буду я говорить о немъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ своихъ воспоминаній. Здѣсь скажу только, что въ новой думѣ онъ съ первыхъ-же дней заявилъ себя дѣятельнымъ труженникомъ и блестящимъ ораторомъ. Адвокатура имѣла еще своимъ представителемъ Ф. Соловьева, прославившагося своими защитни-

тельными рѣчами на первыхъ порахъ судебныхъ учреждений, но онъ какъ-то опустился, дебютъ и выступленія его были по большей части весьма неудачными. Докторъ Н. Ф. Гагмапъ, весьма популярный среди московскихъ маторей, такъ какъ былъ онъ специалистомъ по дѣтскимъ болѣзнямъ, былъ чрезвычайно симпатичнымъ человекомъ, и онъ не замедлилъ сдѣлаться любимцемъ среди гласныхъ, которые заслушивались его рѣчью, всегда какой-то порывистою захлебывающеюся и испещренною неожиданными оборотами и выпадами, съ которыми самъ онъ не всегда справлялся. Такъ однажды, когда дѣло шло о переводѣ съпного рынка съ Красноворотской площади въ другое мѣсто, Гагмапъ — жившій тамъ по близости — горячо защищать сохраненіе его на прежнемъ мѣстѣ, и въ пылу кракнорѣчія воскликнулъ: «Я самъ потребляю очень много сѣна», что вызвало гомерическій смѣхъ. Часто слышался голосъ пожилого уже Охлябниина, состоявшаго членомъ судебной палаты. Всегда спокойный, умѣренный, сосредоточенный, онъ любилъ придавать своимъ рѣчамъ нѣкоторый оттѣнокъ того либерализма, который унаслѣдовалъ былъ многими судебными дѣятелями отъ эпохи 60-хъ годовъ, и который для насъ, болѣе молодыхъ, имѣлъ такъ много пріятельнаго. Въ противоположность ему въ публичныхъ преніяхъ никогда участія не принималъ кн. Шаховской-Стрѣшневъ незадолго передъ тѣмъ покинувшій постъ губернатора въ провинціи. Состоя на военной службѣ и при томъ въ Государевой свитѣ, его появленіе въ Москвѣ, гдѣ онъ владѣлъ круною недвижимостью на Б. Никитской, объяснялось желаніемъ его быть въ Москвѣ не то губернскимъ предводителемъ, не то городскимъ головою. Это послѣднее предположеніе казалось находило себѣ оправданіе въ нѣкоторыхъ его поступкахъ, направленныхъ на «завоёваніе сердецъ» его коллегъ-гласныхъ, но оказалось, что эта кандидатура, если и задумана была, то развѣ только наъ однимъ, и вскорѣ ему пришлось ограничиться званіемъ почетнаго опекуна. Дѣятельную роль игралъ въ новой думѣ И. И. Мамонтовъ, умный, дѣльный, многосторонне образованный, по довольно сдержанный и неуживчивый въ семейныхъ или интимныхъ, такъ сказать, кружкахъ коммисіи. Выступленія его очень мѣшало его заніаніе, постепенно увеличивавшееся по мѣрѣ того, какъ онъ увлекался обсуждавшимся предметомъ. Хорошо извѣстенъ былъ Москвѣ протоіерей Романовскій. Громаднаго роста, съ умнымъ, выразительнымъ лицомъ, громкимъ голосомъ онъ былъ вездѣ права, и въ частныхъ бесѣдахъ съ гласными, за чашкой чая въ боковой залѣ, шутки, остроты, смѣхъ не прекращались. Извѣстенъ онъ былъ своею тѣсною дружбой съ знаменитымъ строителемъ желѣзныхъ дорогъ. Губернникомъ, чей домъ былъ въ его приходѣ, и у кого онъ по-видимому былъ самымъ довереннымъ лицомъ. Онъ завоевалъ себѣ большое уваженіе среди своихъ прихожанъ своею самостоятельностью, смѣлостью обращенія со своимъ начальствомъ, и не разъ случалось, что многіе, даже посторонніе ему, просили его поддержать ихъ просьбу у митрополита, что онъ охотно бралъ на себя и почти всегда въ томъ успѣвалъ.

Съ новымъ составомъ думы впервые на горизонтъ показался Н. А. Алексѣевъ. О немъ уже давно, чуть не съ его дѣтства ходили слухи, что вотъ рѣстетъ гений, феноменъ, который скоро дастъ себѣ знать, и, быть можетъ это отношеніе къ нему со стороны близкихъ породило въ немъ ту самоувѣренность, которая впо-

«либедви́нъ» была отличительною чертой его характера. Несомненно это былъ чело-
вѣкъ отъ природы очень умный, щедро одаренный талантами, развитыми школьнымъ
образованіемъ, но онъ былъ баловень въ полномъ смыслѣ этого слова, его баловало
все, чуть ли съ рожденія. Будучи единственнымъ сыномъ въ семьѣ, въ немъ его ро-
дители и близкіе «души не чаяли», затѣмъ съ молодыхъ лѣтъ всюду ему предшест-
вовала репутація гениальности, какъ будто безспорно; располагалъ онъ большими
средствами, полученіе коихъ первоначально не входило въ его обязанности, и лишь
гораздо позднѣе смерть отца заставила его взяться за дѣло; наконецъ обладая весе-
лымъ, жизнерадостнымъ темпераментомъ душевнымъ, онъ быстро выдвинулся за-
нявшаго во всякаго рода свѣтскихъ удовольствіяхъ, на балахъ, домашнихъ спектак-
лахъ и пр. Эта избалованность, это ничѣмъ не нарушавшееся для него ощущеніе
того, что все въ его жизни ему улыбается, не выработали въ немъ твердой устой-
чивости характера, выдержанности, и въ то-же время породили въ немъ ибру къ
себѣ, которая, казавшись, была главною двигательною силой въ его жизни и дѣя-
тельности. Къ этому надо присоединить еще широкую, размашистую патуру, не злав-
ную пренятствій въ чемъ-бы то ни было, готовую ломать и разрушать все, что
такъ или иначе могло мѣшать его волѣ. Такая черта естественнымъ образомъ
должна была породить въ немъ деспотическія наклонности, и въ любомъ дѣлѣ, взя-
томъ имъ на себя, онъ былъ деспотомъ, но не отталкивающимъ отъ себя, какъ
большинство подобныхъ натуръ, а наоборотъ привлекающимъ къ себѣ своею жи-
востью, веселостью, жизнерадостнымъ отношеніемъ къ дѣлу. Этимъ именно Алексѣевъ
и подкупилъ рѣшѣ, съ кѣмъ имѣть дѣло заставить ихъ мириться со своими наклон-
ностями и деспотическими требованіями, и въ концѣ концовъ всѣ обращались въ
послушные орудія его волн, итайнѣ признаваясь себѣ, что это—величина, съ какою
надо считаться.

Я не состоялъ гласнымъ городской думы, когда Алексѣевъ былъ головою, а
поэтому не могу по собственному опыту своему судить о немъ, какъ о руководителѣ
ей. Но не могу не привести отзывъ одного уважаемаго гласнаго, который дасть мнѣ
былъ на одномъ обществѣ, происходившемъ уже послѣ трагической кончины Алексѣева.
Онъ сказалъ, что въ Москвѣ было три типа городскихъ головъ: одинъ спрашивалъ
у думы, какъ ей угодно, чтобы дѣло было направлено, другой ей говорилъ—вы такъ
хотите и такъ оно будетъ, а третій восклицалъ—я такъ хочу и такъ этому слѣ-
дуетъ быть, и вотъ къ этому последнему типу и подходилъ Алексѣевъ. Но нельзя
не отмѣтить, что всѣ эти индивидуальныя особенности и недостатки съ избыткомъ
искупались его безграничною преданностью городскому дѣлу, его искреннимъ стрем-
леніемъ вести дѣлкомъ, быть его дѣйствительнымъ хозяиномъ, и въ этомъ въ
городскомъ обществѣ онъ не имѣлъ равнаго себѣ, тѣмъ менѣе соперника. И Мо-
сква ему многимъ обязана, и при томъ такимъ, что на всегда сохранитъ память о
немъ: городская канализація, развитіе Мытищенскаго водопровода, организація боль-
ничнаго дѣла въ больницахъ гражданскаго вѣдомства, при немъ перенесенныхъ въ
вѣдѣніе города, и многое другое—дѣло его рукъ. Но, конечно, были и промахи,
оставшихъ памятники легкомыслія, какъ напр., неудачное во всѣхъ отношеніяхъ зда-
ніе городской думы, были и мелкія сравнительно дѣла, получившія по его капризу

для его размахлестности ложное направлѣніе, которыя пришлось ликвидировать его пріемникамъ, въ томъ числѣ и мнѣ, вступившему въ должность городского головы 4 года спустя послѣ его смерти.

При всемъ своемъ широкомъ умѣ Алексѣевъ не всегда умѣлъ властвовать имъ надъ своимъ характеромъ п. если нельзя было назвать его самодуромъ въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, то во всякомъ случаѣ въ немъ обнаруживалось періодическое преобладаніе характера, воли, пожалуй даже каприза. Къ этому надо присоединить—что почти всегда бываетъ у подобныхъ натуръ—непомерное самолюбіе, которое питало въ немъ вѣру въ свою непогрѣшимость, въ всеобъемлемость своихъ способностей, своего умѣнія. Замѣчалось это между прочимъ въ томъ, что онъ не церемонился со своими сотрудниками, съ подчиненными ему, и не выдвигалъ никого изъ нихъ, не создавъ разсадника городскихъ работниковъ. Эта черта его характера потому обращала на себя вниманіе, что она рѣдко встрѣчается въ людяхъ, обладающихъ умомъ, широкимъ отъ природы и богато развитымъ культурой, а наоборотъ свойственна людямъ посредственнымъ, которые любятъ имѣть дѣло съ такими-же, какъ они, посредственностями и какъ огня боятся тѣхъ, кто кажется имъ умнѣе ихъ. Эту черту часто приходилось мнѣ замѣчать въ теченіи моей службы, особенно-же когда по дѣламъ этой службы бывалъ въ сношеніяхъ съ петербургскимъ чиновничьимъ міромъ.

На первыхъ порахъ своей службы въ качествѣ гласнаго Алексѣевъ не проявлялъ дѣятельнаго участія къ дѣламъ, онъ всматривался, прислушивался, и если порою и выступалъ въ преніяхъ, то только по второстепеннымъ вопросамъ. Но та репутація, которая его сопровождала съ дѣтства, репутація восходившаго свѣтла, давала себя знать и въ думѣ, и гласные понемногу передавали другъ другу, что вотъ растетъ, крѣпнѣетъ, развивается будущій голова. Съ своей стороны и Третьяковъ, состоявшій съ нимъ въ близкомъ родствѣ, видимо старался его подмочить, воспитать себѣ въ преемники. Но ему пришлось ждать этого еще около трехъ лѣтъ. Когда Третьяковъ удалился, выбранъ былъ городскимъ головой Б. Н. Чичеринъ, не бывшій гласнымъ, что допускалось дѣйствовавшимъ въ то время городскимъ положеніемъ, а когда и онъ вынужденъ былъ уйти, о чемъ я говорить буду потомъ, избраніе пало на С. А. Тарасова, прожившаго въ этой должности лишь нѣсколько мѣсяцевъ, и только послѣ него падѣлъ на себя серебряную цѣпь Алексѣевъ. Но я уже не былъ въ составѣ гласныхъ, перейдя въ административную службу.

Кандидатура Чичерина явилась для многихъ неожиданностью, «призваніемъ варяга», какъ говорили тогда. Выставлена была она небольшою группой гласныхъ, его друзей, во главѣ коихъ стоялъ кн. Щербатовъ, у котораго, равно какъ и у Д. Самарина, происходили предвыборныя совѣщанія гласныхъ, коихъ большинство вовсе не знало Чичерина. Въ первую минуту отношеніе къ его кандидатурѣ было подозрчивымъ, друзья его должны были прибѣгнуть къ усиленной пропагандѣ, и если выдвинутый ими кандидатъ былъ выбранъ Думою довольно внушительнымъ числомъ голосовъ, то это объясняется тѣмъ, что въ данную минуту въ средѣ гласныхъ не было подходящаго лица—и еще тѣмъ, что крупное купечество не имѣло охоты опираться на «черную сотню» мѣщанъ и цеховыхъ, и еще менѣе бороться

съ нею. Но Чичеринъ скоро приобрѣлъ себѣ общее уваженіе Думы и города своимъ серьезнымъ отношеніемъ къ дѣлу, своею изумительною добропорядочностію, тактомъ, умѣніемъ обращаться со всѣми, входить въ подробности любого дѣла, въ интересы каждаго, а главное умѣніемъ председательствовать въ засѣданіи, резюмировать пренія. Въ эти качества его къ сожальній порою парализовались однимъ недостаткомъ или пробѣломъ, который не могъ быть поставленъ лично ему въ вину, но который обусловленъ былъ его прошлымъ, обстоятельствами его жизни. Хотя онъ по долгу жилъ въ Москвѣ, сначала студентомъ, затѣмъ профессоромъ, но никогда онъ не принималъ никакого участія въ муниципальной ея жизни, не входилъ въ составъ разнѣхъ ея общественныхъ круговъ, которые создаютъ эту жизнь. Поэтому какъ тщательно и добросовѣстно ни велъ онъ свое городское дѣло, какъ ни усвоялъ онъ себѣ его задачи, въ помѣ не доставало московской души, чутія къ тому, что нужно было именно для Москвы, ей свойственно, и если въ моментъ его призванія его въ шутку называли варягомъ, то это наименованіе могло остаться за нимъ и на все продолженіе его службѣ городу. Не забудеть терять изъ виду, что само по себѣ положеніе его было чрезвычайно трудное, щекотливое: дума его почти не знала, городской служебный персоналъ и подавно, администрація побаивалась его ума. Петербургъ видѣлъ въ немъ несправимаго конституціоналиста. По онъ съ честью вышелъ изъ этихъ затрудненій, и имя его заняло почетное мѣсто въ лѣтописи нашего общественнаго управленія.

XIII.

За весь этотъ долгій періодъ времени московская общественная, или свѣтская жизнь представляла мало того, что заслуживало-бы вниманія. Протекала она въ прежнихъ своихъ формахъ, по традиціямъ унаследованнымъ отъ предшествовавшихъ поколѣній, молодежь по прежнему веселилась, влюблялась, ея континенты быстро сѣнялись, и гостепріимные дома по прежнему широко раскрывали ей свои двери. Но вотъ о театрѣ стоить поговорить.

Въ самомъ концѣ 70-хъ годовъ въ театральномъ мірѣ произошло событіе, которое въ первую минуту прошло какъ то незамѣченнымъ, но которое въ дальнѣйшемъ имѣло большія послѣдствія: уничтожена была монополія казенныхъ театровъ. Многимъ теперь не повѣрится, до какихъ предѣловъ простиралась эта монополія. Не только запрещалось открыть какой либо публичный театръ для представленій оперъ или драмъ, но и всякаго рода концерты, публичныя чтенія, отдѣльныхъ сценъ и т. д. требовали разрѣшенія театральной дирекціи. Бывали даже случаи, когда лица, стоящія во главѣ какихъ либо благотворительныхъ обществъ, устраивали въ частномъ домѣ, въ которомъ была подходящая зала, любительскій спектакль съ платнымъ входомъ въ пользу своихъ заведеній, должны были нехотатайствовать себѣ такое разрѣшеніе, рискуя въ противномъ случаѣ подвергнуться большимъ неприятностямъ. Исключенія допускались только въ лѣтнее время, когда казенные театры бездѣйствовали и когда предприниматели, въ большинствѣ случаевъ весьма неудачные, угощали московскую публику театральными представленіями въ Зоологическомъ саду, гдѣ былъ не театръ, а скорѣе балаганъ, или въ театрѣ Петровскаго

парка. Одишъ Лентовскій сумѣлъ поставить свой Эрмитажъ на подобающую высоту и завоевать себѣ нѣжную популярность среди москвичей, но опять-таки только въ лѣтніе мѣсяцы, причемъ отъ него требовалось обязательство закрыть свой театръ, какъ только казенные откроютъ свои двери, т.-е. въ половинѣ августа. Затѣмъ бывали еще спектакли въ небольшой и довольно примитивной залѣ, сооруженной Солодовниковымъ въ верхнемъ этажѣ своего пассажа со стороны Петровки, но тамъ ставились пьесы исключительно на иностранныхъ языкахъ, русскія-же безусловно не юнусакались. Французскія труппы, подвизавшіяся въ этомъ театрѣ, состояли изъ извѣстныхъ пѣвицъ самаго посредственнаго сорта, пріѣзжавшихъ въ Москву ради профессіи, ничего общаго съ театромъ не имѣвшей, а мужскими партнерами ихъ были либо прикалчики изъ французскихъ магазиновъ, либо молодые педагоги. Благодаря такой исключительности, изъ молодыхъ снать, готовившихся къ сценической дѣятельности, лишь самая ничтожная часть могла надѣяться на принятіе въ казенныя труппы, громадному-же большинству ихъ приходилось подвизаться въ провинціи, гдѣ какъ извѣстно создались на питріи громкія репутаціи.

Когда эта тяжелая монополія была упразднена, то постепенно возникли частныя сцены, сначала довольно робкія, словно предприниматели ихъ боялись избрать въ представительную имѣ свободу дѣйствій, затѣмъ все болѣе и болѣе закрѣпившіяся и приобретающія популярность среди москвичей. Первый починокъ принадлежалъ тѣ-же Бренко, устроившій театръ на Тверской, носившій довольно неуклюжее названіе «Театръ близъ памятника Пушкина». Труппа ея была прекрасна и могла успешно конкурировать съ Малымъ театромъ. Затѣмъ появился театръ Корна, первоначально помѣщавшійся въ томъ зданіи, гдѣ былъ Художественный театръ. Наконецъ и Лентовскій открылъ свой зимній театръ на Театральной площади, гдѣ въ настоящее время находится Незлобинскій, и сначала это былъ театръ исключительно соперничавшій съ труппой Эрмитажа и со всѣми ея любимцами московской публики, въ которыхъ она зимою относилась какъ къ холодице, чѣмъ лѣтомъ, а затѣмъ оцѣнѣ ихъ драматическую. Не забыты еще доселѣ многіе артисты, выдвинувшіеся на этихъ частныхъ сценахъ и стяжавшіе себѣ громкія имена— Андреевъ-Бурлакъ, Свободинъ, Далматовъ, и др. Что касается до казенныхъ театровъ, то одно время въ Бѣломъ нераздѣльно царствовала превосходная итальянская опера съ всемірно славными виждами первой величины съ волеющей Паттіи во главѣ, и само собою разумѣется заслоняла русскую оперу, которая однако постепенно расцвѣтала, благодаря возраставшему общію пропавденію нашихъ комиссаторовъ и крупныхъ лирическихъ силъ, выступавшихъ изъ консерваторіи и другихъ однородныхъ съ нею заведеній. Но прежнему процвѣтала балетъ, и существовали балетоманы, болѣе молодого поколѣнія, но слѣдовавшіе во всемъ традиціоннымъ обычаямъ своихъ предшественниковъ. Не могу, смѣха ради, не рассказать объ одной чертѣ изъ нравовъ этихъ балетомановъ. Какъ извѣстно одно изъ ихъ удовольствій состояло въ томъ, чтобы на улицѣ попасть на глаза своимъ балетнымъ «предметовъ» и съ этою цѣлью подстеречь ихъ разѣздъ изъ большого театра послѣ дневныхъ репетицій. Думаю не безъ ихъ участія при входѣ въ Солодовниковскій пассажъ, какъ разъ противъ актерскаго подѣзда, поставлена была скамейка, на которой въ опредѣленный часъ вы-

сѣдали эти балетоманы, разнаго возраста, положеній, профессій, и терпѣливо выжидали той минуты, когда къ подъѣзду подавались извѣстныя всей Москвѣ, неуклюжія кареты и въ нихъ садились «предметы», для слѣдованія по домамъ, и тутъ начинались такіе пантомимные діалоги, что посторонній зритель, не посвященный въ тайны театралныхъ правонъ могъ принять что подумать.

Что касается до Малаго театра, то нельзя было сказать, что имъ переживался періодъ упадка, но это было уже не то, что было лѣтъ за 10 или 20 до этого. Многихъ корифеевъ первой въ Россіи драматической сцены, Шумскаго, Садовскаго, Васильевой уже не было, а молодыя силы, послѣдовательно появлявшіяся на этой сценѣ не были въ силахъ ихъ замѣнять и не могли заставить насъ, тѣхъ знавшихъ, ихъ забыть. Быть можетъ такъ говорю и по свойственной всемъ старѣющимъ людямъ склонности возмечивать то, что знали они, что любилъ, чѣмъ посвящались въ юные годы, когда и душа воспримчивѣе и впечатлительнѣе болѣе остра.

Я называлъ Шумскаго и не могу не прервать своего разсказа. Довольно близко я его зналъ, часто встрѣчая его въ клубѣ, и у нѣкоторыхъ общихъ нашихъ знакомыхъ, въ томъ числѣ и у Н. Н. Красовскаго, съ которыми онъ дружилъ, и на меня онъ производилъ довольно своеобразное впечатлѣніе. Насколько на сценѣ онъ былъ художественно-разнообразенъ, свободно и извѣстно олицетворяя въ своей игрѣ самыя противоположныя типы отъ высокаго трагическаго до водевилно-шутливаго, настолько въ обществѣ онъ былъ однообразенъ, молчаливъ, необщителенъ. При этомъ въ немъ проявлялась нѣкоторая жесткость, походившая порою на застылность, вовсе не отвѣчавшую его возрасту. Въ клубѣ-же онъ всецѣло поглощенъ былъ игрою, цѣлыми ночами просиживалъ онъ за карточнымъ столомъ, и казалось много интереса въ жизни у него не было. Но все это ему прощалось тѣми, кто видѣлъ его на сценѣ, и читатели мои, болѣе меня молодые, едва-ли могли-бы имѣть понятіе о томъ, что это былъ за артистъ-художникъ.

Что Малый театръ не былъ уже тѣмъ, каковы мы его знали въ 60-хъ годахъ, находить отчасти объясненіе въ сравнительной бѣдности репертуара того времени и въ отсутствіи крупныхъ, оригинальныхъ произведеній. Приходилось довольствоваться тѣмъ, что давали только еще начинавшіе авторы—В. Александровъ, Шагинскій и др., либо старыми пьесами, а то переводимыми или передѣланными. Правда, публика относилась къ выбору пьесъ болѣе взыскательно, требованія ея возвысились, и въ концѣ 70-хъ годовъ не могло-бы имѣть мѣсто на казенной сценѣ, и при томъ въ Большомъ театрѣ, такое явленіе, какое мы видѣли за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, а именно Оффенбаховскую оперетку «Орфей въ адѣ» и «Прекрасную Елену», съ участіемъ первыхъ сюжетовъ драматической и оперной труппы.

Хотя и порѣдѣли ряды артистовъ Малаго театра, но его сцену продолжали украшать Г. Н. Федотова, М. Н. Ермолова, П. А. Никулина, Садовскій — сыгравъ. Долженъ добавить, что Г. Н. Федотова, за какую-бы роль ни взялась она, являлась намъ тою особенною, ни съ чѣмъ не сравнимую и не поддающеюся описанію женственностью, которая придавала ей игрѣ пластическую—если можно такъ выразиться—красоту и которую она сохранила до конца своей дѣятельности и проявляла и въ ея въ своемъ обращеніи, въ своихъ частныхъ бесѣдахъ съ кѣмъ-либо.

XIV.

Снова приходится мнѣ вернуться назадъ и разсказать о пронеходившемъ въ общество, о вліяніяхъ и надеждахъ, которыя въ немъ породила перемена царствованія, совершившаяся въ 1881 г. Какъ извѣстно, въ Россіи болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, вступленіе на престолъ новаго лица является началомъ новой эпохи, обозначаетъ собою ту грань, которая рѣзко отдѣляетъ другъ отъ друга два періода ея исторіи. Такой переходъ въ томъ году имѣлъ тѣмъ болѣе значенія, притомъ трагическаго, что совершился онъ вслѣдствіи кровавой катастрофы, отъ которой общественное мнѣніе долго не могло придти въ себя. А къ этому подлежитъ добавить, что начавшійся новый періодъ представлялся вѣсѣмъ совершенно непредугадываемымъ, загадочнымъ благодаря тому, что личность того, кто олицетворялъ его въ себѣ, личность новаго монарха, была мало извѣстна широкой публикѣ не зарекомендовавъ себя ничѣмъ въ ея глазахъ. При этомъ надлежитъ принять во вниманіе, что последний годъ престолюющаго царствованія ознаменовался, если не реальнымъ поворотомъ внутренней политикѣ, то указаніемъ на возможность такого поворота. Бесплодность борьбы съ террористами административными мѣрами ясно показала, что необходимо прибѣгнуть къ помощи общественныхъ силъ, а отъ участія ихъ въ борьбѣ съ злоумышленниками къ ихъ участію въ самомъ правительственномъ механизмѣ было очень недалеко. Общество понимало, что этотъ небольшой шагъ готовъ былъ совершиться, и призванный къ власти Лорисъ-Меликовъ какъ нельзя лучше угадалъ это настроеніе культурныхъ слоевъ общества. Онъ началъ съ того, что упразднилъ конмарше для всѣхъ III отдѣленіе, и если упраздненіе это, доставившее публикѣ извѣстное удовлетвореніе, казалось простою замѣной одного названія другимъ, то на самомъ дѣлѣ оно имѣло гораздо болѣе глубокий смыслъ, обративъ полномочіе, стоявшее выше всякаго закона и всякой ответственности учрежденіе въ простой органъ или отдѣлъ министерства, отвѣтственный хотя-бы только передъ однимъ министромъ. Затѣмъ онъ задумалъ привлечь «свѣдующихъ людей» для совѣтательной съ ними консультатіи по разнымъ вопросамъ внутренней политики, и вскоре стало извѣстно, что это предложеніе имѣетъ получить широкое примѣненіе, что эти консультанты будутъ призваны отъ земствъ и городовъ, обратившись такимъ образомъ въ мѣстныхъ представителей. Этотъ проектъ вызвалъ въ общественномъ мнѣніи доволѣнную реакцію—одни готовы были видѣть въ немъ осуществленіе своихъ заветныхъ чаяній, но боялись очень-то на это надѣяться, ибо имъ не вѣрилось, чтобы правительство добровольно и безъ принужденія пошло на такую уступку. Другіе же и въ этомъ слабомъ намекѣ на народное представительство усматривали столь ужасающій ихъ призракъ конституціи. Но проектъ такъ и остался проектомъ, ибо катастрофа 1-го марта произошла чуть не наканунѣ того дня, когда назначено было собраніе высшихъ правительственныхъ чиновъ для окончательнаго рѣшенія этого вопроса, рѣшенія очевидно въ положительномъ смыслѣ.

Начались новыя ожиданія, новыя чаянія, но недолго суждено было имъ длиться. Направленіе новаго царствованія опредѣлялось очень быстро и очень рѣшительно. Сначала удаленъ былъ Лорисъ-Меликовъ, что обозначало оставленіе безъ по-

слѣдствій его замысловъ насчетъ представительства мѣстныхъ элементовъ, затѣмъ однихъ за другими полетѣлъ съ мѣстъ ближайшіе сотрудники Александра II, въ томъ числѣ заслуженный и всѣми любимый, гуманный и протѣженный Милютинъ. Наконецъ опубликованъ былъ документъ, не то указъ Сенату, не то манифестъ, который всѣ ожиданія и надежды задуть какъ свѣчки, провозгласивъ самодержавіе на прежнихъ началахъ краеугольною основой строя. Лишь по прошествіи многихъ лѣтъ, когда монархъ написавшій этотъ документъ давно уже лежалъ въ могилѣ и когда событія нашей внутренней жизни развернулись съ такимъ размахомъ, о какомъ въ то время никто и помыслить не могъ, мы поняли какую ошибку, какое противорѣчіе съ условіями и потребностями времени, содержала въ себѣ этотъ документъ, какъ имъ опредѣлялось направленіе обращенія тому, какое ожидалось общественнымъ мнѣніемъ и какое, казалось, стѣсняло требованіямъ его. Если бы замыселъ Лорисъ-Меликова получилъ бы реальное осуществленіе, если бы задуманное имъ зачаточное и одностороннее представительство было закрѣплено законодательнымъ актомъ и проведено въ жизнь, мы не были бы свидѣтелями многого того, что произошло впоследствии и что привело Россію къ край гибели. Но это понимаемъ мы теперь, когда событія совершились, а въ то время оно создавалось лишь немногими прозорливыми умами. Тѣмъ не менѣе общественное чужбіе извѣстными образомъ реагировало на совершившійся или намѣченный поворотъ внутренней политики, хотя нельзя назвать его настроеніе ни какимъ либо разочарованіемъ, еще менѣе сознаніемъ обманутыхъ надеждъ. Такое недовѣрчивое настроеніе проявляется между прочимъ въ томъ, какъ въ 1882 году, когда реакціонное настроеніе обострилось уже вполнѣ ясно, Москва встрѣтила государя Александра III, пріѣхавшаго на промышленную выставку, устроенную на Ходынскѣ. Того, что бывало прежде, при пріѣздахъ покойнаго его Родителя, не было вовсе, не было и энтузіазма при проѣздѣ по улицамъ, и выходъ во дворцъ былъ холоднымъ, и притомъ пришлось полицейскими мѣрами умножить толпу, какъ въ дворцовыхъ залахъ, такъ и на соборной площади въ Кремлѣ. Правда послѣдовательно усилившіяся требованія «охранія», затрудненія доступа для тѣхъ, кто желалъ взглянуть на царя и кто для сего вынужденъ былъ проходить черезъ всякаго рода мытарства для удостовѣренія своей благонадежности, постепенно отваживали народъ отъ Кремля, отбивали у него охоту проникать туда. Само собою разумѣется, что въ этомъ замѣтномъ въ то время охлажденіи играю роль и то сопоставленіе, которое каждымъ дѣлалось про себя—недавняго прошлаго съ настоящимъ, прежней свободы въ доступности къ царю, на площадь, по которой онъ шелъ въ соборъ, на улицы, по которымъ онъ ѣхалъ, съ вновь введенными затрудненіями и стѣсненіями, а равно и сопоставленіе личности того царя, величаваго, обаятельнаго, не скупившагося себя показывать, съ новымъ, мало извѣстнымъ, себя не заявившимъ, ничѣмъ не импонирующимъ и не пѣлившимся.

Выше я упомянулъ о выставкѣ 1882 года. Какъ ни сооружена она была въ широкихъ размѣрахъ, какъ ни роскошно обставлена, а нельзя было ее назвать праздникомъ русской промышленности. Не замѣтно было, чтобы она очень заинтересовала нашу московскую, а съ нею и всероссійскую публику, чтобы вызвала извѣстный подъемъ духа, стремленіе поучиться, извлечь себѣ пользу, удостовѣриться въ ус-

нѣхъ той явля другой отрасли промышленности, и доказательствомъ этого служить то, что при миллионномъ населеніи Москвы общее число посѣтителей за 5 мѣсяцевъ едва достигаетъ цифры одного миллиона. Публика шла на выставку въ свободное время, причемъ наибольшее значительная часть ея толпилась въ тѣхъ отдѣлахъ, которые ласкали взоры — въ художественный, превосходно обставленный академикомъ М. И. Беткинскимъ, и въ художественно-промышленный, во главѣ котораго стоялъ знаменитый въ свое время писатель Д. В. Григоровичъ. Не могу не отмѣтить, что Д. В., съ которымъ я въ это время довольно часто встрѣчался, производилъ чарующее впечатлѣніе молодостью своей души, несмотря на преклонные уже лѣта, жизнерадостнымъ, никогда не измѣнявшимъ ему, настроеніемъ, своею богатою содержаніемъ бесѣдой. Но меня удивляло въ немъ какое-то странное отношеніе къ своимъ литературнымъ произведеніямъ, прославившимъ его въ эпоху его молодости и такъ превосходно изображавшимъ деревню и деревенскій бытъ. Казалось, онъ готовъ былъ отречься отъ нихъ и не упускалъ случая отрицательно отнестись къ этой русской деревнѣ, т.-е. къ своему прошлому, стигавшему ему почетное имя. Помимо того, что художества въ широкомъ смыслѣ этого слова сдѣлались первенствующимъ его интересомъ, заключивъ собою балетриетику, онъ сталъ петербургцемъ съ головы до ногъ, нескіи воздухъ съ его туманами нѣзкомъ поглотивъ его.

Если московская публика довольно равнодушно отнеслась къ выставкѣ и оставляла пустыми специально промышленные и технические ея отдѣлы, то нельзя было тоже сказать объ иностранцахъ, и въ частности о ближайшихъ нашихъ сосѣдяхъ, нѣмцахъ, уже я тогда насъ завоевавшихъ, если не оружіемъ то товарами, а болѣе всего использованіемъ для себя нашихъ естественныхъ богатствъ и нашихъ произведеній. Ни для кого не было тайной, не обращавшей однако ничьего вниманія, что ѣхали въ Москву разные германскіе торговые агенты, коммисіонеры, еженедельно шлывшіеся по выставочнымъ павильонамъ съ записными книжками въ рукахъ. Даже самъ прусскій министръ торговли и промышленности пожаловалъ къ намъ, что стало мнѣ извѣстно по слѣдующему случаю: однажды въ машинномъ отдѣлѣ выставки я встрѣтилъ знакомаго мнѣ германскаго генеральнаго консула — фамилію его не припомню, котораго сопровождали двое господъ ярко тевтонскаго типа, въ безукоризненныхъ двубортныхъ сюртукахъ, съ муаровыми отворотами, что тогда было модною повинкой, и съ блестящими цилиндрами на головахъ. Съ однимъ изъ нихъ онъ меня познакомилъ, назвавъ его министромъ, и когда послѣ обмѣна обязательными въ подобныхъ случаяхъ банальными фразами, мы разстались, консулъ взялъ меня въ сторону и многозначительно премоуилъ: Его Превосходительство путешествуеъ вынуждено, чѣмъ налагалъ молчаніе на мои уста. Ясно было, для чего онъ пріѣхалъ, и для чего инкогнито.

Въ самый разгаръ выставки въ Москвѣ умеръ Скобелевъ и умеръ внезапно, таинственно, въ отдѣльномъ номерѣ ресторана, который болѣе правильно было-бы называть домомъ свиданій, въ компаніи съ одной дамой нѣмецкой національности. Съ войны 1877—78 гг. личность Скобелева получила какой-то легендарный, героическій отпечатокъ, быть можетъ потому, что его подвиги, его роль и весь его habitusъ какъ нельзя болѣе отпѣчали военнымъ идеаламъ народа. Слава его еще возрасла

отъ успѣха его Технической экспедиціи, которая была на него возложена для исправленія пораженія, нанесеннаго намъ во время первой экспедиціи въ 1880 г. принятой группой молодыхъ петербургскихъ воиновъ, вздумавшихъ пожинать легкія лавры на пастоящей войнѣ, хотя и съ ничтожнымъ по числу и по силѣмъ народцемъ, вмѣсто того чтобы продолжать ихъ похищаніе въ петербургскомъ свѣтѣ и полусвѣтѣ, и оказавшихся разбитыми на голову, потерявшими все свои орудія и обратившимися чуть не въ бѣгство. Обаяніе Скобелева еще успѣивалось въ общественомъ мнѣніи тѣмъ, что онъ былъ въ немилости, что въ высшихъ правительственныхъ кругахъ его боялись, и потому его не выдвигали, ходу не давали его способностямъ и, если и пришлось обратиться къ нему для Ташкентскаго похода, то это несомнѣнно сдѣлала молва народная, общій голосъ.

Тайна его смерти такъ и осталась тайной, и, конечно, вокругъ нея стали ходить всякія легенды, одна другой неправдоподобнѣе, но доказывающія насколько общее мнѣніе было заинтересовано этимъ событіемъ и насколько оно чувствовало, что тутъ скрывается что-то нечистое. Говорили то о бокалѣ шампанскаго съ ядомъ, присланнаго ему черезъ официанта изъ сосѣдняго номера, гдѣ будто-бы хотѣли пить за здравіе «бллага генерала», то о какихъ-то отравленныхъ конфетахъ, которыми его угостила его дама, и т. д. Роль этой послѣдней вообще служила предметомъ разговоровъ и догадокъ. По этому поводу нельзя не обратить вниманіе на то, что въ 80-хъ годахъ, когда Бисмаркъ былъ полновластнымъ хозяиномъ Германіи, тѣ личности, которыя такъ или иначе представлялись опасными для Германіи, которыя не скрывали своей вражды къ ней и угрожали въ будущемъ эту вражду показать на дѣлѣ, умирали таинственною, болѣе или менѣе насильственной смертью, при томъ при участіи или присутствіи пѣмцевъ или пѣмковъ. Кромѣ Скобелева такъ это было съ Гамбеттой, Людовикомъ Баварскимъ, Рудольфомъ австрійскимъ. Бисмаркъ не постѣснявшійся поддѣлать телеграмму, послужившую исходнымъ пунктомъ франко-прусскаго войны 1870 г. и цинично этимъ похващавшійся въ своихъ запискахъ *), само собой былъ прибѣгнутъ къ подобнымъ средствамъ ради избавленія своего созданія отъ опасныхъ для него людей.

Скобелевъ былъ года на 3 старше меня. наши матери были въ родствѣ, довольно впрочемъ отдаленномъ, въ дѣтствѣ мы играли въ солдатики, въ чомъ, быть можетъ предвѣщалась его будущность, но ужъ ни въ какомъ случаѣ не моя. Въостѣдствіи онъ довольно рѣдко прѣзжалъ въ Москву, но когда это случалось, то всегда навѣщалъ меня. Уже съ самой ранней молодости его бесѣды искрились священнымъ огнемъ, когда-же онъ пускался на откровенности насчетъ Петербурга, его чиновныхъ и военныхъ сферъ, то его слова звучали, даже можно сказать трепетали благороднымъ, ничѣмъ не удержимымъ негодованіемъ. Умеръ онъ на сороковомъ году своей жизни, а прожилъ онъ еще 25 — 30 лѣтъ, какая крупнѣйшая роль предтояла-бы ему въ послѣдующихъ событіяхъ.

*) Pensées et souvenirs par le Vei Bismarck, Paris, 1899, II томъ, стр. 104—109.

Въ заключеніи этой части моихъ воспоминаній я вновь прошу читателей не сѣтовать на меня за очень быть можетъ сухой переченьъ лицъ, съ которыми я такъ или иначе бывалъ въ общеніи. Но такова черта, общая всемъ людямъ, но въ особенности тѣмъ, кто достигъ какъ я я преклонныхъ лѣтъ, что восстанавливаемое ими въ своей памяти прошлое какъ-то само собою сгруппировывается вокругъ тѣхъ или другихъ личностей, игравшихъ болѣе или менѣе значительную роль въ ихъ прошломъ, какъ по широкой публичной дѣятельности ихъ, подлежащей общей оцѣнкѣ, такъ и въ ихъ личной, интимной жизни. Не могу къ этому не присовокупить, что воскрешая такимъ образомъ все это давно минувшее прошлое, эти его ожившіе облики, я какъ-то элегично сознаю свое одиночество, ибо изъ-моихъ сверстниковъ, современниковъ тѣхъ эпохъ, перечисленныхъ мною на этихъ страницахъ, едва-ли два-три чловѣка остались еще доживать свой вѣкъ на бѣломъ свѣтѣ. А вмѣстѣ съ этимъ при такомъ возстановленіи прошлого, мы невольно удивляемся какъ эти люди, эти вызванные тѣмъ, какъ иныя изъ нихъ въ свое время ни были значительны и крупны сами по себѣ, какую-бы видную роль ни играли они въ общественной жизни, а какъ мало остается послѣ ихъ реальнаго, осязательнаго долго послѣ того, что они перенесли въ иной міръ. Лишь очень немногихъ имена остаются не въ памяти, а въ помыслахъ послѣдующихъ поколѣній, знающихъ ихъ по тому, что они создали, что имъ отъ нихъ унаслѣдовано, громадное-же большинство сохранило свои имена въ памяти тѣхъ, кто ихъ лично знаетъ, кто съ ними бывалъ въ общеніи, когда-же и эти въ свою очередь покинутъ этотъ міръ, то и самыя имена ихъ взглянутся безжизненно и безповоротливо.

Ки. В. Голицынъ.